

Евгений Беркович
**БАНАЛЬНОСТЬ
ДОБРА**

Евгений Михайлович Беркович
Банальность добра. Герои, праведники и
другие люди в истории Холокоста. Заметки
по еврейской истории двадцатого века

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8386117

*Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. Заметки по еврейской истории двадцатого века.: Янус-К; Москва; 2003
ISBN 5-8037-0143-2*

Аннотация

Предлагаемая читателю книга содержит очерки по еврейской истории двадцатого века, объединенные темой Холокоста.

Содержание условно можно разделить на пять частей. В первую вошли малоизвестные страницы антифашистского сопротивления в Испании, Италии, Алжире и других странах.

Вторая часть посвящена признанным и не признанным Праведникам мира – людям, с риском для жизни спасавшим евреев в годы Второй мировой войны. Рассказывается о людях из разных стран: Польши и Франции, Голландии и Германии, России и Португалии. .

В третьей части собраны очерки о немцах, ломающие многие стереотипы наших представлений о людях Третьего Рейха.

Четвертая часть – «Заложники Второй мировой» – включает заметки о судьбах евреев в те годы, когда Германией правили нацисты. В статье, давшей название всему разделу, исследуются два важных вопроса, на которые историки до сих пор не имеют однозначного ответа: кто отдал приказ об «окончательном решении еврейского вопроса» и когда это было сделано? Несколько биографических очерков об известных и не очень известных людях добавляют штрихи к портрету эпохи.

В последней, пятой части книги рассматриваются корни и национальные особенности антисемитизма – явления, сопровождающего евреев на протяжении всей их долгой истории.

В приложении приведены два биографических очерка в вопросах и ответах: опыт «синтетического» интервью с Иосифом Бродским и автобиография.

Содержание

Предисловие	6
От автора	9
Часть первая	12
Шалом, либертад!	12
Интернациональные бригады	12
По ком звонит колокол	13
Командир Джорджа Оруэлла	15
Еврейское Сопротивление	16
Литература	17
Операция «Факел»	19
Поворотные пункты Второй мировой	19
Встреча в Шершели	19
Восстание	20
Победа, полная парадоксов	21
Литература	23
Еврей в нацистском мундире	24
Солдат Татарского легиона	24
Боец французского Сопротивления	26
Еврейское Сопротивление или сопротивление евреев?	27
Литература	28
Одиссея Марка Хермана	29
Львов	29
Италия	29
В партизанах	30
После победы	31
«Мы дошли до края карты!»	32
Литература	32
Женский бунт на улице Роз	34
Подарок фюреру ко дню рождения	34
Немного статистики	35
Арифметика расизма	36
Смешанные браки	37
Сопротивление сердца	39
«Жизнь не по лжи»	40
Литература	41
Барон Лёвенштейн и его нацистская тетушка	42
Часть первая	42
Дом на улице Кудаам	42
Семья	42
Развод как средство воспитания	44
Простые и привилегированные браки	46
Фамильное серебро	47
Часть вторая	48
Операция «Фабрики»	48
Протесты на Розенштрассе	49
Обыски	50

В подполье	51
Деньги в туалете	52
Освобождение	53
Литература	54
История Вильгельма Бахнера	55
Оскар Шиндлер и другие	55
Начало	55
Варшавское гетто	56
Бюро архитектора Келльнера	58
Управляющий немецким предприятием	59
Конец войны	60
Заключение	63
Литература	63
Часть вторая	64
Праведники мира в ландшафте Холокоста	64
В благодарность от еврейского народа	64
Солнечное сплетение проблем	65
Факторы военного времени	67
Вопреки социальной изоляции	70
Эмиграция – это жизнь	71
Траектории спасения	72
Стать «неевреем»	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Евгений Беркович
Банальность добра. Герои,
праведники и другие люди в
истории Холокоста. Заметки по
еврейской истории двадцатого века

Наташе с любовью

Evgueni Berkovitch

DIE BANALITÄT DES GUTEN

Helden, Gerechten und andere Menschen in der Geschichte des Holocaust. Anmerkungen zur j-dischen Geschichte des 20. Jahrhunderts

Vorwort von Jurij Tabak

«Janus-K» Verlag Moskau 2003

БАНАЛЬНОСТЬ ДОБРА

Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста Заметки по еврейской истории двадцатого века

Предисловие Юрия Табака

Продажа книги за пределами России — только по письменному разрешению автора

Предисловие

Против течения плыть очень трудно. А иногда почти невозможно, особенно если это течет кровь твоего народа и сердце зовет пусть не к мести, но к настороженной отчужденности по отношению к тем, кто убивал твоих отцов и дедов. Так уж печально сложилась человеческая история, что цивилизованный мир больше двух тысяч лет делился на евреев и все остальные «народы», которые сообща и по отдельности гнали и убивали евреев, оставляя им лишь недолгие просветы покоя. Апофеозом противостояния стала Катастрофа, когда шесть миллионов человек пало от автоматных очередей и испарилось в дыму газовых печей.

Закончилась Вторая мировая война, и «народы» содрогнулись. И первым содрогнулся христианский мир, который должен был следовать евангельским путем любви и который вдруг в ужасе оглянулся на содеянное, на бесчисленные гонения и погромы, причиненные им одному маленькому народу – народу, подарившему миру Того, Кого христиане называют Спасителем и от Чьего имени совершались бесчисленные злодеяния. В этот момент во многих христианских душах совершился переворот и началась новая эпоха взаимоотношений евреев и «народов» – когда лучшие представители христианского мира стали видеть в евреях братьев, а в иудаизме – великую и глубокую религию.

Да, началась новая эпоха, но еврейская боль не прошла. Она застыла где-то в глубине души и усиливается при взгляде на старые фотографии и при поминовении погибших. И гнездящиеся в глубине души страх и недоверие к «народам» не исчезают – какой бы скорбью и состраданием ни были исполнены лица молодых французов, итальянцев, поляков, украинцев, оцепеневших в залах Яд-Вашема. И так часто еврейские старики, пережившие Освенцим, говорят своим детям и внукам: не верьте им, они все и всегда были одинаковы. Стариков нельзя переубедить, ибо их не избавишь от того, что уже произошло. Это трагедия: они умирают с той же болью и недоверием. Ведь у «народов», кажется им, есть родовая память. И особенно у одного народа – немцев. Если деды нынешних немцев были почти неразличимой массой убийц, как о том пишет Дэниэль Гольдхаген, если они были все такие, то значит, это уже в крови, в генах. И тогда даже с некоторым облегчением, внутренним удовлетворением принимается развенчание мифа об Оскаре Шиндлере, который сотрудничал с абвером, пьянствовал и развратничал, евреи же ему были нужны ради гешефта, а на самом деле ему было глубоко на них наплевать...

Но растут дети. Выросло уже не одно поколение еврейских детей, в душах которых боль и та же родовая память о погромах борются с желанием понять и поверить: они, люди «народов» – не все такие, они другие или, по крайней мере, разные. Но очень трудно разорвать связь времен. Трудно поверить, что сплошная чернота прошлого из эсэсовских мундиров хотя бы кое-где может прореживаться настоящим из белых футболок со слоганом: «Израиль, мы с тобой!». Да и события в мире не располагают к такой вере. Осквернения кладбищ, шествия бритоголовых, вспышки антисемитизма, двойные стандарты западного мира – все это наводит на мрачные размышления. Но даже не это главное. Есть память времен, память культуры, память генов. И если те все были одинаковы, то почему вдруг эти станут иными? И возникает очевидный, спасительный вопрос: а может быть, те не все были одинаковыми? Ведь только тогда вера в «народы» получает свое оправдание, если перефразировать Владимира Соловьева («Оправдание добра»).

Ответить на этот вопрос очень не просто. Прежде всего – их, иных, всегда было слишком мало. Из всей средневековой истории можно извлечь не так уж много примеров защиты евреев светским государством или христианской церковью, да и эта защита чаще всего имела под собой чисто прагматические соображения. А уж христиан, сердечно расположенных к евреям, защищавших их не из корысти, а по естественной потребности человеческого

сердца, вплоть до конца XIX в. вообще можно было пересчитать по пальцам (по крайней мере тех из них, чьи имена история донесла до нас): Пьер Абеляр, аббат Анри Грегуар, Владимир Соловьев, немногие другие. И в огне Катастрофы и мир, и церковь проявили, казалось бы, безразличие к судьбе погибающего народа. На десятки миллионов людей нашлось не более двух десятков тысяч человек, в честь которых высажена аллея «праведников народов мира». И пусть даже история еврейского народа вряд ли могла быть написана без психологически объяснимых историографических преувеличений, когда цвет исторических мазков преимущественно черный и тысячи погромщиков заслоняют собой десятки праведников – эти цифры все равно несоизмеримы...

Таким образом, поиск праведников и рассказ о них есть не только знак благодарности и признания человеческого благородства. С каждым новым именем праведника растет надежда – вопреки всем мрачным прогнозам. И огромные усилия к тому, чтобы дать нам эту надежду, приложил автор настоящей книги. С настойчивостью, достойной восхищения, он в течение многих лет рассказывает о праведниках. И не просто о праведниках. Время от времени в Израиле вручаются награды белорусским и украинским крестьянам, которые с огромным риском для жизни спасали евреев. Но почти никто не знает, что праведники были и в логове нацизма, в самой Германии. Не знает и не хочет знать. Так проще, хотя и страшнее. В сознании многих евреев, отнюдь не только Гольдхагена, немцы ассоциируются с убийцами. И мало находится тех, кто берет на себя смелость ломать привычные схемы. Даниэль Баренбойм упорно играет Вагнера, являя гениальную музыку антисемита. Евгений Беркович упорно ломает черно-белую картину «немцы – евреи», вскрывая удивительные полутона. Разве можно представить конструкцию «фашисты-праведники»? Оказывается, можно. Автор порой специально подчеркивает это в кажущихся парадоксальными названиях статей: «Как итальянские фашисты спасали евреев», «Брат рейхсмаршала – защитник евреев». И это вовсе не рекламный ход. В самом деле, всегда найдутся, просто не могут не найтись разные люди – даже среди нацистов, даже не просто среди обычных солдат, а в элите нацистской верхушки. И вообще в немецком народе. В очень важной статье «Немецкий антисемитизм – правда и вымыслы» Беркович вполне аргументированно опровергает устоявшийся миф о каком-то особом антисемитизме немцев. И в этом он глубоко прав. История способна легко вертеть и каждым человеком, и целыми народами. Специфические социальные условия, совокупность культурных факторов, вовремя появившийся мощный харизматический лидер – и «народный дух» изменяется с калейдоскопической быстротой. Никто никогда ни от чего не застрахован. И история с трансформацией немцев – лишь эпизод, хотя и чудовищно кровавый, в цепи других подобных исторических эпизодов. Когда, например, древние народы, носители великих культур, порождают вдруг сотни монстров, отрезающих уши у пленных и вспарывающих животы беременным женщинам, – о чем мы столько слышаны в ходе национальных конфликтов последних десятилетий. И тем поучительнее и удивительнее примеры людей, сохранивших человеческий облик и имевших мужество противостоять всеобщей вакханалии. Холокост по размаху и трагической глубине есть общая модель геноцида человечества. И те немногие, кто противостоял адской машине изнутри ее самой, – праведники в нацистских мундирах – автоматически становятся моделью праведника. В результате выбор героев для этой книги – среди немцев, итальянцев и других народов, чьи правительства в той или иной степени оказались в ареале нацистского влияния, – обретает особый смысл. А одновременно нам открываются и поразительные судьбы, немыслимые немецко-еврейские переплетения. Можно ли себе представить, что Магда Геббельс, отравившая своих шестерых детей из верности фюреру, была падчерицей еврея и любовницей видного сиониста? Что брат Геринга спас от смерти десятки евреев? Что сотни немецких женщин, протестовавших против арестов своих еврейских мужей, в конце концов победили? Представьте себе, можно. Читатель словно погружается в перипетии невероятного детектива. И детектива необычайно

увлекательного (сколь бы странным ни казалось употребление слова «увлекательный» применительно к трагической истории), чему в немалой степени способствует не только тема книги, но и писательское мастерство автора. В такого рода изданиях, предназначенных для широкого читателя, надо выбрать точный стиль изложения, чтобы, с одной стороны, не скатиться в сухой пересказ событий, цифр и фактов, а с другой – не впасть в сентиментальные восклицания. И автору эту задачу замечательно удастся решить.

Он не только рассказывает нам о праведниках, но и размышляет на некоторые другие темы, не менее важные. Многие десятилетия не прекращаются споры, в основе которых лежат все те же мифы потрясенного сознания, не способного различать иные цвета помимо черного и белого (и в результате воспринимающего один только черный цвет). Как могли сотни тысяч людей безропотно стать жертвами адской машины, почему они не взбунтовались, чтобы защитить себя, своих стариков и детей? Много копий было сломано по этому поводу, но редко оспаривался сам исходный тезис: все евреи шли на смерть безропотно. И в самом деле, было много таких, кто от отчаяния, беспомощности и одиночества полагался на волю судьбы, – но ведь были и другие, которые отстаивали свои и чужие жизни силой оружия, дрались отчаянно и умно. И напоминая нам об этом, Евгений Беркович опять же делает очень важное дело, обозначая не только узы страданий, соединяющие поколения, но и общий путь мужества. Наконец, автором затрагивается тема взаимодействия двух миров – христианского и иудейского – в прошлом и будущем, когда он бесстрашно, вслед за Эли Визелем, Франсуа Мориак и многими другими размышляет над страшным в своей парадоксальности образом «Христа в Освенциме», когда цивилизация, признавшая распятого еврея своим Спасителем, распинает его народ. Но даже и здесь Евгений Беркович не дает читателю погрузиться в отчаяние, ибо подвиг хотя бы одного христианина, подобного Бернгарду Лихтенбергу, служит не только спасительным якорем для самой церкви, но и, опять же, якорем надежды на преодоление недоверия евреев к христианам. Та же иудейско-христианская тема, хотя и в гораздо более широком культурологическом аспекте, затрагивается в интереснейшем «синтетическом интервью» с Иосифом Бродским, где Евгений Беркович попытался представить читателям внутренний мир великого русского поэта. Но при всем тематическом разнообразии книги главной для автора остается прочная нить памяти. Если человечество хочет будущего, оно должно помнить о прошлом. И благодаря Евгению Берковичу восстают из небытия имена многих праведников. Чтобы помнили.

Юрий Табак

От автора

В польском городке Радоме жила женщина с двумя сыновьями. Ее муж в начале 1939 года, незадолго до нападения Германии на Польшу, уехал в Палестину, они должны были последовать за ним, но не успели: война разорвала семью на части. Отец семейства пытался получить для своих близких разрешение на переезд, и через долгие три года ему удалось добиться, казалось, невозможного. В октябре 1942-го, когда многие в гетто уже догадывались, какая им уготована страшная судьба, женщину вызвали в гестапо и сообщили, что ее вместе с детьми выпускают в Палестину в порядке обмена с семьей немецких переселенцев. В течение одного часа они должны прибыть в комендатуру.

– Мой старший сын работает в городе, – попыталась объяснить женщина. – Так быстро я не смогу его найти.

– Это нас не интересует, – сказал гестаповец. – Вам дается ровно час.

Женщина была в отчаянии. Должна ли она со своим младшим сыном разделить судьбу старшего? Или попытаться спасти хотя бы одного? В этот момент пришел сосед и предложил:

– Ты не можешь помочь своему старшему сыну. Бери моего, они ведь ровесники, и уезжайте.

В слезах, почти не помня себя от горя, пришла она с двумя детьми в комендатуру. Одиннадцатого ноября 1942 года они уже были в Хайфе. Оба парня стали известными в своей стране людьми, у них есть собственные дети и внуки. Женщина о себе почти никому не рассказывала, ей не хотелось, чтобы ее жалели. До конца жизни она держала небольшой магазинчик напротив синагоги в центре Тель-Авива. Говорили, что ей повезло, что она пережила Холокост. Но так ли это на самом деле?

Полностью «пережить» подобную трагедию невозможно, эта рана еще открыта, ее боль ощущают миллионы людей, в том числе и те, кто родился после войны.

* * *

Проблемы Катастрофы европейского еврейства актуальны и сегодня, о них написаны сотни научных и художественных книг, тысячи статей. Мемориалы евреям – жертвам нацизма установлены не только в Германии и Израиле, США и России. В окрестностях Хиросимы тоже есть музей Освенцима. Люди во всем мире начинают понимать, что Холокост – универсальный символ Зла. И хотя геноцид существовал и до, и после власти нацистов, но именно при Холокосте впервые была предпринята попытка уничтожения целого народа – тотальная, глобальная и имевшая исключительно идеологические корни.

Тотальная – потому что смертный приговор выносился «по крови». Глобальная – потому что уничтожению подлежали не только немецкие, польские или, шире, европейские евреи. Должны были исчезнуть все семнадцать миллионов евреев, живших в то время в мире. И наконец, нацистский антисемитизм, с его уверенностью в мировом еврейском заговоре, был чистой идеологией, не имевшей отношения к действительности.

Историки выделяют три большие группы людей, существовавших в годы Второй мировой войны: преступники, жертвы и зрители. Если выделить еще и четвертую – героев и праведников, спасавших евреев во время Катастрофы, – то в сравнении с первыми тремя она будет очень невелика, но без этих людей вся картина трагедии была бы иной.

На аллее Праведников в мемориале Яд-Вашем в Иерусалиме растут тысячи деревьев, посаженных в честь людей из разных стран, которые в те годы не захотели остаться в стороне. Мир узнает все новые имена тех, кто, «спасая одну жизнь, спасал весь мир».

Ханна Арендт в книге «Эйхман в Иерусалиме» бездушный нацистский механизм уничтожения называет «банальностью зла». Однако история Холокоста показывает, что человек может не только творить зло, но и с риском для жизни оказывать бескорыстную помощь обреченным людям, совершать героические подвиги, даже в нечеловеческих условиях показывать высокие образцы верности и благородства.

Этим темам, которым в литературе о Холокосте уделяется незаслуженно мало внимания, посвящена предлагаемая читателю книга.

* * *

Книга условно разделена на пять частей.

В первую вошли малоизвестные страницы антифашистского сопротивления в Испании, Италии, Алжире и других странах. Во время Второй мировой войны случались такие поразительные события, которые не выдумает сценарист с самой изощренной фантазией. Чего стоит, например, такой сюжет: еврей в нацистском мундире организует партизанский отряд, а после войны становится почетным гражданином освобожденного им французского города. Или демонстрация немецких женщин в центре Берлина в защиту схваченных нацистами евреев, закончившаяся полной победой: всех арестованных освободили, некоторых даже выпустили из лагеря смерти Освенцим. А вот еще один еврей: убежав из варшавского гетто, он получает место управляющего на немецком военном предприятии и спасает несколько десятков работавших там людей от неминуемой гибели...

Вторая часть посвящена признанным и не признанным праведникам из разных стран – Польши и Франции, Голландии и Германии, России и Японии... Известно, что в Яд-Вашеме все датчане отмечены за коллективную помощь в спасении евреев. Но мало кто знает, что пока итальянские фашисты были у власти, ни один еврей в Италии, а также на подконтрольных Муссолини территориях в Югославии, Греции и Франции не был выдан нацистам и не пострадал.

То, что двигало итальянцами в отношении евреев в годы фашизма, можно было бы назвать «банальностью добра». В душах многих людей сохранился определенный порог порядочности, перейти который они не могли даже по приказу дуче. Престиж нации, совесть и человечность оказались не пустыми словами для многих итальянцев – будь то простой солдат, генерал или министр. После окончания войны итальянцы, вернувшиеся из советского плена, рассказывали, что отношение к ним в лагерях было лучше, чем к пленным немцам, на чьей совести были массовые убийства мирного населения.

В третьей части собраны очерки о немцах, чьи судьбы добавляют новые краски в картину Второй мировой войны. В сложившиеся стереотипы наших представлений о людях Третьего Рейха с трудом укладываются истории о брате рейхсмаршала Геринга, спасавшем в годы войны евреев, или о жене гитлеровского министра пропаганды Магде Геббельс, в молодости увлекавшейся идеями сионизма. Внучка Магды после войны прошла ортодоксальный гиур и живет сейчас в Гамбурге с мужем евреем. Среди героев заметок и известный немецкий писатель Йохен Клеппер, разделивший трагическую судьбу своей жены еврейки, и знаменитый боксер, чемпион мира Макс Шмелинг, «образцовый немец», по выражению Гитлера, который помогал во время Хрустальной ночи друзьям евреям, и бесстрашная графиня фон Мальцан, в течение нескольких лет прятавшая у себя дома любимого человека и спасшая кроме него еще десятки обреченных людей, и посмертно удостоенный звания Праведника мира немецкий фельдфебель Антон Шмид...

Четвертая часть – «Заложники Второй мировой» – включает заметки о судьбах евреев в те годы, когда Германией правили нацисты.

В статье, давшей название всему разделу, исследуются два важных вопроса, на которые историки до сих пор не имеют однозначного ответа: кто отдал приказ об «окончательном решении еврейского вопроса» и когда это было сделано? Несколько биографических очерков об известных и не очень известных людях добавляют штрихи к портрету эпохи. Среди них Теодор Лессинг и Пауль Шпигель, Хорст Беркович и Виктор Клемперер... Здесь же рассказывается о положении евреев в это трагическое время в разных странах – в Германии и Америке, в Польше и России.

В последней, пятой части книги рассматриваются корни и национальные особенности антисемитизма – явления, сопровождающего евреев на протяжении всей их долгой истории. Обсуждаются острые проблемы иудейско-христианского диалога, факты и вымыслы о пресловутой немецкой юдофобии, особенности государственного антисемитизма в СССР времен «дела врачей» и готовящейся депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. На примере трагической судьбы талантливого ученого Отто Вейнингера исследуется такой феномен, как «еврейская самоненависть».

В приложении приведены два биографических очерка в вопросах и ответах: опыт «синтетического» интервью с Иосифом Бродским и автобиография.

* * *

На специальном заседании Бундестага 27 января 1998 года, посвященном Дню памяти жертв нацизма, председатель международного Центра изучения Холокоста в Яд-Вашеме Иегуда Бауэр сказал: «В Библии записаны Десять Заповедей. Вероятно, мы должны к ним добавить еще три:

- Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть преступниками.
- Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть жертвами.
- Ты, твои дети и дети твоих детей никогда не должны быть пассивными наблюдателями при массовых убийствах, при уничтожении народов и – мы надеемся, что это никогда не повторится, – при трагедиях, подобных Холокосту».

Чтобы подобные трагедии не повторялись, люди не должны забывать уроки прошлого. Не в еврейской традиции культивировать память о зле. Когда-то существовала книга «МЕГИЛАТ ТААНИТ», список памятных дней, напоминающих о бедах еврейского народа. В Талмуде сказано, что «МЕГИЛАТ ТААНИТ» была упразднена мудрецами, и аргументировано это решение просто: «Что было, то было». Наверное, мудрецы считали, что люди должны жить настоящим и будущим, а не вечно возвращаться к воспоминаниям о прошлых страданиях. Но никогда не должны быть забыты те уроки добра, которые оставлены нам героями, праведниками и другими людьми, жившими в страшное время.

* * *

В заключение – слова благодарности.

Я сердечно признателен Юрию Табаку, прочитавшему рукопись и любезно согласившемуся написать предисловие. Многие очерки из этой книги впервые появились на страницах журнала «Заметки по еврейской истории» и альманаха «Еврейская Старина» (www.berkovich-zametki.com). Спасибо многочисленным читателям этих сетевых изданий за доброжелательные замечания и ценную критику.

Часть первая Сопротивление

Шалом, либертад! (Испанские страницы еврейского сопротивления)

Интернациональные бригады

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением гитлеровской Германии на Польшу. Но сражения с фашистами велись задолго до этой даты: в Испании в 1936–1939 гг. шла Гражданская война. Против вооруженных сил Франко, Гитлера и Муссолини боролись испанские антифашисты и бойцы шести Интернациональных бригад, в том числе более шести тысяч добровольцев-евреев, приехавших из многих стран мира. Только из маленькой Палестины прибыло свыше трехсот бойцов.

Много евреев было и в руководстве Интернациональных бригад. Высокие посты занимали военный советник республиканского правительства генерал Григорий Штерн из СССР, командующий военно-воздушными силами генерал Яков Смушкевич, главный инженер ВВС полковник Зелиг Иоффе, создатель Второй бригады имени Эрнста Тельмана и руководитель обороны Мадрида генерал Манфред Штерн, павший в Испании знаменитый писатель и военный деятель Мате Залка, генералы Юлиус Дейтч и командующий 129-й Интернациональной бригадой Вацлав Комар, командир 13-й Бригады имени Домбровского полковник Хенрик Торунчик, а также подполковник Джон Гейтс – самый высокий по рангу американец в испанских Интернациональных бригадах [1].

Первым интернациональным отрядом в Гражданскую войну стала Группа Тельмана, в которой евреи составили большинство. Ее командирами были Макс Фридемманн и Хаим Бессер. Воевал в Испании и отдельный еврейский отряд «Ботвин», выпускавший фронтовую газету и имевший собственное боевое знамя. В боях пали семь его командиров.

Судьбе двух бойцов Интернациональных бригад посвящены эти заметки.

Бойцы интернациональных бригад

По ком звонит колокол

Ирвинг Гофф родился в Нью-Йорке в 1900 году. Уже в молодости он стал членом коммунистической Лиги молодежи. Коммунизм юноша понимал как борьбу против антисемитизма, в ту пору широко распространенного в американском обществе. Ирвинг сменил множество профессий, перед отъездом работал даже акробатом в цирке.

В Испанию Гофф прибыл в числе первых американских добровольцев. Начав с простого солдата, он дослужился до капитана и принял командование автомобильным хозяйством 15-й Интернациональной бригады имени Авраама Линкольна. Однако эта должность была не по душе отчаянному храбрецу и сорвиголове, и он добился перевода в партизанский отряд. Название отряда – «Специальная бригада» – говорит само за себя: партизаны действовали за линией фронта, в тылу противника, взрывая по заданию республиканского командования мосты, пуская под откосы эшелоны, совершая другие диверсионные акты. Отряд почти исключительно состоял из испанцев (кроме Ирвинга в нем было еще только два американца – Билл Альто и Алекс Кунслих, еврей из Нью-Йорка).

После поражения республиканцев на северном фронте 315 астурийских офицеров оказались в фашистском плену. Крепость Ла-Кохуна, в которой их держали, считалась абсо-

лютно неприступной: подобраться к ней можно было только по морю. Офицеров-республиканцев ждал расстрел, и спасти их могло лишь чудо.

Ирвинг Гофф был одним из тех, кто вызвался спасти пленников. Этих добровольцев называли смертниками – настолько ничтожны были шансы на успех.

Ночью группа из 35 человек на небольших лодках достигла – Кохуны и провела разведку местности. Вечером следующего дня партизаны неожиданно для врага напали на крепость, подавили сопротивление охраны, перерезали телефонные провода и освободили заключенных. Арсенал крепости оказался достаточно богатым, чтобы вооружить всех пленных.

Начался форсированный марш по территории, контролируемой фашистами. Через день освободители и освобожденные без единой потери перешли линию фронта и были с ликованием встречены товарищами по оружию.

Покинув Испанию за два с небольшим месяца до окончания Гражданской войны (это был январь 1939 года), Гофф стал последним американцем, вернувшимся на родину с испанских фронтов.

Но долго оставаться дома Ирвингу не пришлось. В 1941 году он записался добровольцем в американскую армию: фашизм наступал, и оставаться в стороне он не мог.

Ирвинг Гофф закончил курсы парашютистов, сражался в Северной Африке, потом был направлен на итальянский фронт, где стал сотрудником Организации разведки и диверсионной деятельности (OSS), которой руководил генерал Билл Донован.

Гофф неизменно удивлял товарищей своей храбростью. Однако при очередных повышениях в звании начальство обходило бывших бойцов испанских интербригад. Тогда бойцы отряда OSS написали генералу Доновану письмо, в котором были такие слова: «Наша честь офицеров и джентльменов не может смириться с тем, что сержанты Фельзен, Лоссовский и Гофф до сих пор не представлены к офицерскому званию». Через несколько дней генерал торжественно перед строем вручил трем сержантам-евреям лейтенантские погоны и удостоверения.

Лейтенант Гофф принимал участие в высадке союзников на Сицилию. За короткое время были образованы 22 десантные группы, которым предстояло действовать в тылу врага. К сожалению, большинство десантников попало в руки немцев. Гофф руководил обучением и подготовкой нескольких групп – и ни одна из них, к его чести, не была потеряна.

Несколько позже Ирвинг получил задание установить контакт с отрядами коммунистического антифашистского Сопротивления и успешно справился с ним – тем более, что в руководстве этих отрядов было много бывших бойцов испанских Интернациональных бригад, боевых товарищей Ирвинга.

Лишь одному дерзкому плану не суждено было исполниться, о чем он долго потом сожалел: Гофф хотел захватить и передать в руки союзников немецкого фельдмаршала Кессельринга подобно тому, как Отто Скорцени, один из самых известных командиров спецподразделений нацистской Германии, осенью 1943 года освободил захваченного итальянскими партизанами бывшего диктатора Бенито Муссолини. Но военные власти не дали Ирвингу разрешения на рискованную операцию.

Нью-Йоркская еврейская газета несколько раз публиковала интервью с Ирвингом Гоффом – героем войны и любимцем читателей. Гораздо сложнее складывались его отношения с начальством.

Генерал Донован неоднократно ходатайствовал о присвоении Гоффу звания капитана (между прочим, шесть лет тому назад в Испании Ирвинг это звание уже имел). Но американское командование не забывало коммунистических убеждений Гоффа и не хотело прощать его независимого характера. Капитаном американской армии Ирвинг Гофф так и не стал.

Не очень гладкими были отношения Гоффа с властями и после войны: в эру Маккарти он часто подвергался преследованиям и дискриминации.

И последнее. Мало кто знает, что у главного героя знаменитого романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» американца Роберта Джордана был реальный прототип – доброволец из Бруклина, еврей по национальности Ирвинг Гофф.

Командир Джорджа Оруэлла

Беньямин Левинский родился в 1916 году в Варшаве. Мальчик рано осиротел и с 1925 года жил в Париже у бабушки. Когда подросток, работал скорняком. Война в Испании круто изменила его жизнь.

В июле 1936 года двадцатилетний Левинский нелегально приехал в Испанию, чтобы защищать Республику. Он записался в интернациональный отряд Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ). Сталин считал эту партию своим главным врагом в республиканском лагере, так как руководство ПОУМ упрекало СССР в буржуазном перерождении. После недолгого обучения Беньямин отправился на фронт. В октябре 1936 года был в первый раз контужен, но скоро опять вернулся в строй. Левинский отличался не только поразительным бесстрашием в боях, но и недюжинными организаторскими способностями и к тому же свободно говорил по-каталонски. Так что не удивительно, что скоро он получил звание капитана и был назначен командиром отдельного отряда, в котором сражались многие иностранцы. Одним из его бойцов был англичанин Эрик Блэр – о нем речь пойдет чуть ниже.

Весной 1937 года на улицах Барселоны между отрядами различной коммунистической направленности произошли ожесточенные сражения. В результате многие бойцы отряда оказались в советских лагерях, а сама партия была распущена.

Чтобы Левинский мог избежать преследований сталинских спецслужб, друзья посоветовали ему сменить имя. И с этих самых пор до октября 1938 года, когда были распущены Интернациональные бригады, с фашистами воевал уже капитан Бернارد Лауно из Франции.

Когда разразилась Вторая мировая, Беньямин записался добровольцем во французскую армию, как будто не было у него за плечами двух с половиной лет войны в Испании. В феврале 1940 года он попал сначала на сирийский, а потом на ливанский участок фронта. Но долго воевать в рядах французской армии ему не пришлось. Франция капитулировала, и французские части на Ближнем Востоке оказались под командованием профашистского режима Виши. Однако оставались еще добровольцы, имевшие опыт гражданской войны в Испании, и они стремились продолжить борьбу с нацизмом.

Левинский организовал для группы бойцов дерзкий побег на грузовиках через Сирию в Турцию. Но беглецов арестовали и заключили в лагерь. В лагере был радиоприемник, по которому в мае 1941 года неожиданно для себя он услышал передачу на знакомом с детства языке идиш. Палестинская радиостанция сообщала, что верные генералу де Голлю отряды французской армии Освобождения вместе с британскими войсками продолжают борьбу с фашистами. Вместе с боевым товарищем Беньямин бежал из лагеря, и через заснеженные горные вершины Хеврона они добрались до Палестины. Беглецам потребовалась целая неделя, чтобы подняться на высоту 2825 метров над уровнем моря и затем спуститься в направлении Галилеи. Ночью они подошли к высокому забору, окружавшему какой-то кибуц. Чтобы не вызвать переполох, Беньямин позвал охрану кибуца по-еврейски и сообщил, что он с другом бежал из заключения, чтобы примкнуть к отрядам союзников. Через минуту пришельцев окружили еврейские поселенцы: они радостно приветствовали их и поздравляли с успешным побегом.

На следующий день Левинский записался добровольцем в отряд французской Армии освобождения, расквартированный в местечке Кастина под Хайфой. Так он стал солдатом

прославленной 13-й Бригады Иностранного легиона, которая в 1940 году воевала в Норвегии и была потом направлена на Ближний Восток.

Много раз он был на грани смерти. Однажды рядом с ним упала вражеская граната и каким-то чудом не разорвалась.

В начале 1942 года 13-я Бригада вошла в состав 8-й Английской армии и принимала участие в тяжелых боях против итальянской танковой дивизии «Ариетте» в ливийской пустыне. Позже бойцы бригады сражались с африканским корпусом Роммеля.

Левинский оказался одним из немногих, кто остался в живых после кровопролитного боя с немцами под Бир-Хакаймом. Именно успех в этом бою предопределил решающую победу союзников над немецкими войсками в Эль-Аламейне, после чего корпус Роммеля капитулировал, а Северная Африка была освобождена от фашистов.

В августе 1944 года отряд Левинского был направлен для продолжения боевых действий на юг Франции. Войну Бенъямин закончил в Ницце. После восьми лет непрерывных сражений очень нелегко было снова привыкать к мирной жизни.

Только спустя 40 лет Бенъямин Левинский узнал, что его бывший подчиненный по имени Блэр стал знаменитым на весь мир писателем Джорджем Оруэллом, который в книге «Моя Каталония» увековечил имя своего командира.

Еврейское Сопротивление

Участие евреев в вооруженной борьбе против фашизма и нацизма составляет малоизвестную страницу истории Второй мировой войны. Широко распространено мнение, будто они были лишь пассивными жертвами, а от мест сражений старались держаться подальше. «Евреи воевали в Ташкенте, а русские на фронте» – таков расхожий аргумент российских антисемитов. Но и многие из тех, кто проявлял сочувствие к жертвам, считают, что евреи, «как овцы на бойню», покорно шли в газовые камеры и печи крематориев, не пытаясь оказать сопротивление своим мучителям. Эти мифы живучи в Америке и Израиле, в России и Германии, во многих других странах. Схожие взгляды разделяли даже такие выдающиеся историки, немало сделавшие для изучения Холокоста, как Рауль Хильберг и Ханна Арендт.

Следует заметить, что многие факты, связанные с еврейским Сопротивлением фашизму, стали предметом исследования только в последнее время. В 90-е годы появились труды, по-новому освещающие эту сложнейшую и деликатную тему. Здесь нельзя не назвать вышедшую в свет в 1999 году книгу Арона Абрамовича «В решающей войне» [2], содержащую огромный фактический материал об участии советских евреев в войне против нацизма. Несколько серьезных монографий о еврейском Сопротивлении вышло в свет на Западе.

В силу исторических причин еврейское Сопротивление занимает особое место в общеевропейском антифашистском движении [3].

Сопротивление на оккупированных территориях Европы носило, как правило, патристический характер борьбы за освобождение своей страны. Во имя этой цели сражались французы, греки или югославы.

Для евреев на оккупированных фашистами землях на первый план выходила задача выжить, спасти себя и своих близких от страшной машины смерти, запущенной нацистами с целью «окончательного решения еврейского вопроса». Только выжив, можно было бороться за освобождение своей страны от захватчиков. Поэтому для еврейского Сопротивления характерны иные задачи, иные методы ведения борьбы, чем для «обычного» европейского Сопротивления фашизму.

Александр Донат, переживший ужасы лагерей, в книге воспоминаний «Королевство Холокост» писал: «Это чистый миф, что евреи были только пассивны и не оказывали нацистам никакого сопротивления. Евреи отвечали борьбой против своих врагов. Они боролись

против голода и истощения, против болезней, против смертельной экономической блокады нацистов. Они боролись против фашистских убийц и против предателей в своих собственных рядах... Мы отвечали ударом на удар на всех фронтах тем оружием, которым мы располагали».

Решение принять смерть вместе с семьей, а не пытаться спастись самому, было актом мужества и морального достоинства. И мученическая смерть многих евреев была формой духовного Сопротивления. Такой страшной ценой опровергался нацистский миф о евреях-недочеловеках, паразитах, лишенных совести и морали.

«Сопротивлением сердца» называют сейчас незаметные миру подвиги тысяч еврейских женщин, спасавших в годы войны своих и чужих детей от уничтожения [4]. Эти стороны еврейского Сопротивления заслуживают отдельного разговора.

Но и рассматривая чисто военный аспект Сопротивления, мы должны подчеркнуть, что на фронтах Второй мировой с фашистами воевало немало евреев. Об этом свидетельствуют сухие цифры, представленные ниже.

Количество евреев в армиях стран, боровшихся с фашистами (по данным [1]):

США – 550 000

СССР – 500 000

Польша – 190 000

Великобритания – 62 000

Франция – 48 000

Палестина – 30 000

Канада – 16 000

Греция – 13 000

Югославия – 12 000

Южная Африка – 10 000

Чехословакия – 8 000

Бельгия – 7 000

Испания – 6 000

Австралия – 3 000

В регулярных армиях союзников воевало 1 455 000 евреев. Здесь не учитываются тысячи еврейских партизан в Западной и Восточной Европе. Воевали эти люди достойно: многие заслужили высшие военные награды, немало было и тех, кто героически пал на полях сражений.

В мае 1945 года победно закончилась страшная война с нацизмом, угрожавшим самому существованию еврейского и многих других народов. А началась вооруженная борьба с фашистами на земле Испании, во время знаменитой Гражданской войны. И многие евреи, бойцы Интернациональных бригад, могли сказать про себя слова, которые Эрнест Хемингуэй вложил в уста Роберта Джордана: «Почти целый год я дрался за то, во что верил. Если мы победим здесь, мы победим везде. Мир – хорошее место, и за него стоит драться, и мне очень не хочется его покидать. И тебе повезло, – сказал он себе, – у тебя была очень хорошая жизнь».

Литература

1. Lustiger Arno. Zum Kampf auf Leben und Tod. Vom Widerstand der Juden 1933–1945. Muenchen, Deutschen Taschenbuch Verlag, 1997.

2. Абрамович Арон. В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. СПб., «ДЕАН», 1999.

3. Paucker Arnold. Standhalten und Widerstand: der Widerstand und oesterreichischer Juden gegen die nationalsozialistische Diktatur. Essen, Klartext Verlag, 1995.
4. Stoltzfus Nathan. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse – 1943. Muenchen, Wien, Carl Hanser Verlag, 1996.

Операция «Факел» (Алжирская страница еврейского сопротивления)

Поворотные пункты Второй мировой

Летом 1942 года нацистская Германия находилась в зените своих военных побед. На Востоке немецкое наступление развивалось по нескольким направлениям: Волга, Кавказ, Крым. Первого июля немцы овладели Севастополем. В Африке танковый корпус генерала-фельдмаршала Роммеля, преследуя части Восьмой британской армии, пересек ливийско-египетскую границу и вышел к Александрии. Стратегическое положение стран антигитлеровской коалиции в Европе и Африке, напротив, было далеко не блестящим.

Склонить чашу победы в пользу союзников смогли два события осени того же года: Сталинградская битва и высадка американцев в Северной Африке. Об этих ключевых эпизодах Второй мировой войны написано много. Кажется, изучены и описаны все детали подготовки и проведения операций. Но на одну особенность высадки союзников в Алжире редко обращают внимание: успех десанта был бы невозможен без решающего участия отрядов антифашистского еврейского Сопротивления.

Территория Алжира, как и почти все северо-западное побережье Африки, контролировалась войсками Франции, верными марионеточному правительству маршала Петена. Маршал обещал Гитлеру, что не допустит высадки противников в Северной Африке. И это обещание не было безосновательным. Город Алжир представлял собой неприступную с моря крепость. Он находился под надежной охраной французских военных сил – гарнизона из одиннадцати тысяч солдат под командованием генерала Жуэна, двухтысячной армии полицейских и нескольких сотен легионеров из отрядов лидера французских фашистов Жозефа Дарнанда, которому немецкие власти присвоили звание штурмбанфюрера СС.

Высадка десанта на укрепленный противником берег моря – рискованная операция, редко завершающаяся успехом. У союзников антигитлеровской коалиции уже имелся печальный опыт неудачных попыток в этом деле. Одна из них была предпринята 19 августа 1942 года на атлантическом побережье вблизи города Дьеппи. В той операции участвовало более шести тысяч десантников Второй и Шестой бригад канадской Второй дивизии. Встретив мощный огонь береговых батарей, ее участники вынуждены были отступить; при этом они потеряли более половины своих бойцов – 1179 убитыми и 2190 попавшими в плен. Потери немцев составили 311 убитых и раненых.

При подготовке десанта в Алжире американцы сделали ставку на помощь антифашистских организаций города.

Встреча в Шершели

Руководителем объединенной франко-еврейской организации Сопротивления в городе Алжире был двадцатипятилетний Жозе Абулкер, прапорщик резерва и студент медицинского института. В Сопротивлении принимала активное участие вся большая семья Абулкеров. Квартира отца Жозе, знаменитого профессора медицины и президента сионистской федерации Алжира Анри Абулкера, стала конспиративным центром подполья. Сестра Жозе Коллет установила радиокontakt с войсками союзников в Гибралтаре, с командованием американского флота, а также с офицерами армии генерала де Голля. Результатом радиопереговоров стал план восстания в Алжире. Американский консул и личный представитель пре-

зидента Рузвельта Роберт Мерфи координировал контакты повстанцев с правительствами союзников и командованием американской армии.

23 октября 1942 года в местечке Шершель на берегу Средиземного моря состоялась встреча Жозе Абулкера и его ближайших товарищей с высшими офицерами британских и американских вооруженных сил Северной Африки, в том числе с генералом Марком Кларком, прибывшим в подводной лодке. На этом секретном совещании обсуждались детали восстания, которое должно было подготовить высадку союзников в Алжире. Англичане и американцы обещали доставить на специальных лодках-амфибиях оружие в расчете на восемьсот человек. Однако этим обещаниям не суждено было исполниться, и в результате восставшие располагали всего несколькими сотнями старых ружей и тремя десятками автомобилей. Единственный автомат был у Жозе Абулкера.

Восстание было назначено на воскресенье 8 ноября 1942 года. Накануне Жозе сфотографировался и отдал снимок сестре Коллет на память: кто знает, удастся ли выжить в предстоящем бою.

Восстание

В восстании должно было участвовать около восьмисот бойцов. Жозе Абулкер выделил часть людей в специальный отряд, которым сам же и руководил, а остальных разделил на пять групп – от «А» до «Е». Каждая группа, в свою очередь, состояла из нескольких подразделений. Главной задачей повстанцев было захватить врасплох солдат гарнизона алжирской крепости и либо убедить их перейти на сторону союзников, либо, в случае неудачи переговоров, арестовать несогласных.

Спецотряд Жозе Абулкера должен был занять центральный комиссариат полиции и превратить его в штаб восстания. Во главе почти всех групп, за исключением группы «Е», а также у руководства многих подразделений стояли евреи. Целью группы «А» под командованием врача Морали-Даниноса был захват казарм алжирского дивизиона. В том же комплексе зданий находилось командование французских войск. Перед подразделениями Коена, Ланфрани и Хабибу стояла задача занять адмиралтейство.

Жозе Абулкер

У группы «В», руководимой врачом Рафаэлем Абулкером, был приказ захватить штаб Девятнадцатого армейского корпуса. Подразделениям этой группы под командованием Стефана Абулкера, де Сент-Бланка и Оливера Бокановского было предписано занять префектуру, почту и радиостанцию Алжира. Группа «С», руководимая адвокатом Морисом Гаяном,

должна была захватить дворец генерал-губернатора, а группа «D» под командованием Поля Руффа – центральную телефонную станцию.

Группе «Е», которой командовал Анри д'Астер де ла Вигери, предстояло выполнить особое задание. В это время в Алжире находился верховный главнокомандующий вооруженных сил правительства Виши и специальный представитель маршала Петена адмирал Дарлан. Бойцы группы должны были арестовать его вместе с командующим алжирским гарнизоном генералом Жуэном.

Восстание, как и планировалось, началось в воскресенье в два часа ночи. Но к условленному времени вместо восьмисот явилось только четыреста бойцов – большей частью члены еврейской организации Соппротивления. Все они выполнили свои задания полностью. В результате захвата центральной телефонной станции военное руководство Алжира было парализовано. Удалось также арестовать высшее французское командование – адмирала Дарлана и генерала Жуэна.

После столь удачного начала утром 8 ноября на берег высадилась первая группа американских десантников под командованием старшего лейтенанта Розенберга. Повстанцы провели американцев к наиболее важным стратегическим точкам города. Теперь могла приступить к работе и основная часть десанта, прибывшего на кораблях из Шотландии, Ирландии, а также из американского порта Хэмптон-Роудс, что находится в штате Вирджиния. Всего на берег высадилось 107 тысяч американских и британских солдат. Общее руководство осуществлял генерал Дуайт Эйзенхауэр. Операция, получившая название «Факел», блестяще завершилась.

Победа, полная парадоксов

Чтобы избежать военного конфликта союзников с вишиской Францией, американский консул Роберт Мерфи встретился с задержанными французскими военачальниками Дарланом и Жуэном. Адмирал Дарлан получил от маршала Петена тайные инструкции, как действовать в подобной ситуации, и согласился подписать приказ о прекращении боевых действий французских войск. За это союзники обещали сохранить за правительством Виши контроль над Северной Африкой.

Гитлер делал все возможное, чтобы заставить Петена воевать против американцев. Десятого ноября 1942 года, через два дня после высадки десанта в Алжире, министр иностранных дел вишиской Франции Пьер Лаваль был срочно вызван в Мюнхен. Под давлением фюрера он позвонил Петену и просил начать военные действия в Северной Африке. В противном случае немцы угрожали войти в еще не занятую часть Франции. Петен попытался вести двойную игру. Подчиняясь немецкому давлению, он формально уволил Дарлана со всех занимаемых им постов и заявил официальный протест против высадки десанта. В то же время в тайном послании Дарлану он подтвердил свое решение не воевать с союзниками. Французские офицеры в Африке получили взаимоисключающие приказы: Дарлан требовал соблюдать перемирие с союзниками, из Виши настаивали на военных действиях против американцев и британцев.

Гитлер не стал ждать, пока французское командование разберется, с кем воевать. Одиннадцатого ноября немецкие войска внезапно вторглись на юг Франции. Оккупация еще не занятой части страны внесла окончательную ясность: французские войска в Африке отказались выполнять немецкие приказы. Тринадцатого числа генерал Эйзенхауэр назначил адмирала Дарлана верховным правителем французской Северной Африки.

Это решение создало парадоксальную ситуацию. Петеновская администрация фактически сохранила свою власть в Алжире. Остались в силе расистские законы, принятые правительством Виши под давлением немцев. В частности, евреев запрещалось принимать

на государственную службу и в армию. В двусмысленном положении оказался генерал де Голль, возглавивший силы французского антифашистского Сопротивления после капитуляции Франции в 1940 году и считавший политику Петена предательской.

24 декабря 1942 года адмирал Франсуа Дарлан был убит в Алжире одним из сторонников генерала де Голля. Власти ответили на это волной террора. Исполнителя убийства немедленно казнили.

Подъем американского флага после высадки десанта

Тридцатого декабря были арестованы профессор Анри Абулкер, Жозе Абулкер и многие другие участники ноябрьского восстания. Нескольким друзьям Коллет и ей самой удалось спрятаться. Обращение за помощью к американскому консулу Мерфи не дало результатов: координатор операции «Факел» ничего не сделал для спасения людей, обеспечивших ее успех. Только после конференции в Касабланке 14 января 1943 года, где встретились американский президент Рузвельт и английский премьер Черчилль, арестованные были освобождены.

Антиеврейские законы правительства Виши действовали в Алжире до тех пор, пока там не появился сам генерал де Голль и не возглавил образованный 3 июня 1943 года Национальный комитет освобождения Франции.

Большинство еврейских участников Сопротивления в Алжире пошли добровольцами во французскую армию и участвовали в боях с фашистами в Тунисе, Италии, южной Франции, на Рейне и Дунае. Многие из них стали бойцами Третьего парашютно-десантного полка и вместе с британской диверсионно-разведывательной группой SAS действовали за линией фронта во Франции и Бельгии.

Операция «Факел» имела не только чисто военное значение. В результате дерзкого восстания нескольких сотен алжирских евреев избежали газовых камер сотни тысяч их братьев по вере. Согласно протоколу Ванзейской конференции 20 января 1942 года депортации в лагеря смерти подлежали 700 тысяч евреев из неоккупированной части Франции, в том числе 120 тысяч алжирских евреев. Высадка десанта и переход Северной Африки под контроль союзников принесли спасение многим из этих людей.

Еврейские участники восстания не думали о своем вкладе в защиту евреев Европы и Африки. Понятие «Освенцим» еще не успело пересечь Средиземное море, об «окончательном решении еврейского вопроса» в Алжире тогда не знали.

Люсьен Стейнберг, автор книги «Восстание праведников – евреи против Гитлера» (Париж, 1970), писал: «Я рассматриваю восстание в Алжире как редкую еврейскую победу во Второй мировой войне. Это была большая, но горькая победа, горечь которой еще более усилилась в свете дальнейших событий, – победа, полная парадоксов. Один из них состоял в том, что никто не признавал чисто еврейского аспекта восстания, в то время как это был единственный аспект алжирской победы, который остается неоспоримым».

Литература

1. Lustiger Arno. Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933–1945. Muenchen, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.

Еврей в нацистском мундире

В интервью журналу «Алеф» бывший советский диссидент, а ныне известный израильский политик Натан Щаранский говорил о вещи, поразившей его по приезду в Израиль: здесь практически никто не относился к событиям Второй мировой войны как к героической странице в истории еврейского народа. В представлении израильтян все выглядело просто: было два диктатора – Сталин и Гитлер, оба ненавидели евреев, оба уничтожали их, а палестинские евреи боролись за то, чтобы могли спастись остальные. Все в Израиле знали, что евреев уничтожали в концентрационных лагерях, что они были невинными жертвами, и никому не приходило в голову, что они тоже совершали героические поступки, сражаясь с фашистами на территории СССР и в странах Европы.

Такое восприятие войны вполне совпадало с мнением российских антисемитов: якобы евреи отсиживались в эвакуации, в то время как русские воевали. «Иван на фронте воюет, а Абрам в Ташкенте жирует» – ходила тогда поговорка.

И в трудах профессиональных историков, исследующих тему Катастрофы европейского еврейства, само понятие еврейского Сопротивления – в сопоставлении с французским или каким-то другим Сопротивлением – до последнего времени считалось «ненаучным». Вместо него многие предпочитали говорить о «сопротивлении евреев».

Факты, получившие известность в последние годы, утверждают прямо противоположное. В регулярных частях советской армии воевало более полумиллиона евреев, а всего в армиях антигитлеровской коалиции их было почти полтора миллиона. Они активно участвовали и в партизанских отрядах, и в антифашистском подполье. Есть все основания рассматривать еврейское Сопротивление как важную часть общей борьбы с фашизмом. Но при этом необходимо учитывать, в каких нечеловеческих условиях оказались евреи в оккупированной Европе.

В предлагаемой заметке не ставится задача всесторонне исследовать такое сложное и многогранное понятие, как еврейское Сопротивление. Речь пойдет о судьбе одного человека, но и большая книга складывается из отдельных страниц...

Солдат Татарского легиона

Гершон Ритвас родился в 1916 году в Саратове. Перед Великой Отечественной войной он с семьей переехал в Литву, в город Кошедар, и в июне 1941-го пошел добровольцем на фронт. В первые же недели войны ему пришлось участвовать в тяжелых боях с фашистами.

Это было время, когда советские войска несли тяжелые потери. Часть, в которой служил Ритвас, оказалась в окружении, а сам он был ранен и попал в плен. Ему удалось скрыть от немцев свое еврейское происхождение, несколько лагерей для военнопленных он прошел под фамилией Шабанов. Однажды он сумел бежать, но вскоре был снова арестован и доставлен в отделение гестапо. К счастью, о побеге его там не узнали. На допросе он назвался поволжским татаринном, и его привезли в новый лагерь для военнопленных, где среди заключенных было много татар.

После поражения под Сталинградом у многих немцев развеялись иллюзии скорой и легкой победы. Нужно было искать новые резервы для долгой, изнурительной войны. Немецкое командование решило создавать специальные отряды из нерусских добровольцев – татар, казахов, осетин... В ноябре 1943 года большая группа заключенных из лагеря, где содержался Ритвас, была переведена в Вильнюс – там формировались части антибольшевистской армии генерала Власова. Так Гершон Ритвас оказался в Татарском легионе.

Солдаты здесь носили немецкую форму с нашитыми на рукаве буквами «WTL» («Волжско-татарский легион») [1].

Город Кошедар расположен всего в пятидесяти километрах от Вильнюса, и Гершон боялся, как бы немцы не узнали, что он еврей. Для конспирации он рассказывал всем, будто его родители-татары погибли после революции, а сам он воспитывался в детском доме. Выдавать себя за татарина было не трудно: он неплохо знал татарский язык и к тому же не приходилось скрывать, что он обрезан.

В январе 1944 года Татарский легион был отправлен во Францию, в город Ле-Пюи, расположенный в 250 километрах от Лиона. Ритвасу иногда приходилось встречаться и с другими евреями, носившими немецкую форму: они скрывались среди фашистов под видом немцев Поволжья или выходцев с Кавказа. Когда ему казалось, что он видит человека, похожего на еврея, он, проходя мимо него, тихонько произносил начало еврейской поминальной молитвы Кадеш. Эти слова служили неким тайным паролем, чтобы опознать «своего». И он ни разу не ошибся. А один случай запомнился ему надолго.

Еврейские партизаны

В Ле-Пюи немцы использовали легионеров для охраны тюрьмы. Однажды после смены караула к Ритвасу обратился по-русски солдат в немецкой форме, назвавший его Шабановым. Про себя он сказал, что сам он еврей из Сибири. Ритвас заподозрил провокацию: солдат мог быть подослан, чтобы разоблачить его. Для проверки он заговорил с ним по-еврейски, но даже такие слова, как «вода» и «хлеб» на иврите, тому оказались незнакомы. Гершон уже было решил, что при первой же возможности застрелит провокатора, но все же попробовал сделать последнюю попытку. Он запел «Хатикву» – песню, сегодня ставшую гимном Израиля:

– «Кол од белавав петима...» («Пока внутри сердца...»).

И солдат подхватил:

– «Нефеш йехуди хомийа...» («Бьется душа еврея...»).

И тогда оба солдата, в мундирах со свастиками, крепко обнялись и даже не пытались скрыть своих слез...

Татарский легион был направлен на борьбу с «бандитами и террористами» – так фашисты называли бойцов французского Сопротивления. Ритвас постоянно искал возможность установить контакт с партизанами. В городе солдатам легиона разрешалось посещать только три определенных кафе. С помощью молоденькой официантки, с которой у Гершона сложились дружеские отношения, ему наконец удалось (это было в феврале 1944 года) встретиться с офицером из партизанского отряда. Вопрос, который тот задал Ритвасу, звучал жестко и требовал такого же прямого ответа: готов ли он своим сотрудничеством с Сопротивлением смыть с себя грязь немецкого мундира? Это было именно то, что давно уже стало главной целью и для самого Ритваса.

Однажды казарму легиона посетил высокий гость: Верховный муфтий Иерусалима Амин эль-Хусейни лично приветствовал мусульманских братьев, верой и правдой служивших Третьему Рейху. В обращении к легионерам муфтий сказал, что мировую войну развязали евреи и большевики. Поэтому святой долг каждого мусульманина окончательно уничтожить этих врагов. За речью последовала общая молитва, и по случаю праздника всем легионерам выдали по дополнительной пачке сигарет.

Подобные же слова говорил эль-Хусейни Гитлеру 30 ноября 1941 года, во время своего официального визита в Германию: арабы являются естественными друзьями Германии, так как они имеют тех же врагов, что и немцы, а именно англичан, евреев и коммунистов. В качестве военной помощи на стороне немцев в Тунисе воевало более шести тысяч арабских и североафриканских мусульман. Свыше двадцати тысяч мусульман из южной Европы, с Кавказа и из республик Поволжья входило в состав дивизии СС «Ханьяр» («Меч»). В большинстве своем это были боснийские мусульмане, набором которых в 1943 году в Сараеве руководил лично эль-Хусейни¹. Под патронатом муфтия был и Татарский легион.

Боец французского Сопротивления

После нескольких встреч с французскими партизанами Ритвас выяснил, кто из его товарищей-легионеров готов был дезертировать из немецкой армии, чтобы присоединиться к Сопротивлению. Тщательно подготовленный побег удалось совершить 9 апреля 1944 года. А уже на следующий день новобранцы принимали участие в тяжелом бою с эсэсовцами.

Партизанский отряд, в котором оказался Гершон Ритвас, действовал в горах Мон-муше в районе города Сог. Всего он насчитывал около 350 человек, среди которых было немало евреев из Франции и других стран. Евреем был Андре Басс, командир роты, в которой служил Гершон. Его непосредственный начальник полковник запаса Хилот носил имя Леви. Отряд входил в состав объединенных сил французского Сопротивления FFI (Forces Francaises de l'Interieur). Вся территория Франции была поделена на 12 военных округов, и руководство FFI координировало действия партизан в каждом округе [2].

Командование партизанского отряда поручало Ритвасу важные задания. Он был сразу назначен командиром группы пулеметчиков, а чтобы у него не возникало проблем с языком, к нему прикрепили партизана из Эльзаса, который говорил и по-немецки, и по-французски. Невзирая на опасность Гершону приходилось не один раз, переодевшись в гражданскую одежду, возвращаться в Ле-Пюи, чтобы пополнить ряды партизан новыми бойцами и уточнить стратегические пункты предстоящего сражения за город.

У отряда была постоянная радиосвязь с Лондоном, где находилось французское правительство в изгнании. Бойцы были неплохо вооружены: союзники сбрасывали им с самолетов боеприпасы на парашютах. Ритвас стал командиром смешанной группы, состоявшей из

¹ Эль-Хусейни в 1945 году бежал из Франции на Ближний Восток, где находили убежище и нацистские военные преступники. Муфтий занимал руководящие посты в палестинском движении, много лет был президентом палестинского правительства в изгнании. Антисемитизм и ненависть к Израилю эль-Хусейни сохранил до самой смерти в 1975 году.

татар и французов. В одной довольно рискованной операции они напали на охранявшуюся фашистами тюрьму и освободили несколько сотен заключенных. На боевом счету отряда – нападения на немцев в Меркуре, Праделле и других городах. Партизаны устраивали засады, взрывали мосты, поджигали склады оружия. Случались и прямые столкновения с врагом. Так, в одном бою партизаны атаковали немецкий отряд, двигавшийся на семнадцати грузовиках. Немцы понесли большие потери: 140 убитых и больше трехсот раненых.

В июне 1944 года союзники высадились в Нормандии. Отрядам французского Сопротивления была поставлена задача: подготовить в департаменте Верхняя Луара места для посадки самолетов. Там произошли ожесточенные бои с немецкими частями, в том числе с отрядами Татарского легиона. Восемнадцатого августа бойцы Сопротивления начали штурм Ле-Пюи. Битва за город продолжалась 18 часов. Наконец, немецкие войска были окружены. Чтобы предотвратить ненужные потери с обеих сторон, партизаны послали к немцам группу парламентариев под командованием Ритваса, который к тому времени получил новое воинское звание: для своих однополчан он был теперь капитаном Грегором. С белым флагом в одной руке и с мегафоном в другой командир группы приблизился к позициям противника и потребовал сдаться. Немцы были вынуждены капитулировать, и Ле-Пюи стал свободным городом.

Затем капитан Грегор и его боевые товарищи воевали в департаменте Ардеш и освободили город Прива. Не раз приходилось им сталкиваться с противником, намного превосходившего их силами. Однажды 1200 бойцов Сопротивления приняли бой с двенадцатитысячной армией. Немцы потеряли тогда убитыми более тысячи человек. Конечно, были потери и у партизан, но их основные силы смогли вернуться на базу. Ритвас участвовал в том сражении. Вскоре после этого он был назначен командиром 352-го батальона. За боевые заслуги капитан Грегор награжден многими орденами и Военным Крестом. В конце войны вместе с отрядом бывших советских военнопленных он очищал департамент от рассеянных немецких частей и остатков верных режиму Виши вооруженных сил.

В 1945 году Гершон Ритвас вернулся в Литву, где пытался разыскать свою семью. Поиски оказались безуспешными: все его родственники погибли в оккупации...

С тех пор прошло много лет. И вот в 1958 году Гершон Ритвас был приглашен во Францию на празднование четырнадцатой годовщины освобождения города Ле-Пюи. Его принимали с почетом и присвоили звание «Освободитель города». В газете «Ле-Монтан» 7 августа 1958 года была напечатана большая статья с описанием боевого пути Гершона. Там, в частности, говорилось: «Восемнадцатого августа исполнилось 14 лет с того дня, когда был освобожден Ле-Пюи. Капитан Грегор приехал из России в наш город, в освобождении которого он участвовал, находясь в первых рядах Сопротивления. Этот мужественный человек, истинный боец-антифашист и друг Франции, в годы войны потерял всю свою семью – погибло 24 его родственника».

Только после войны Ритвас узнал, что четверо евреев, бывших, как и он, в составе Татарского легиона, тоже бежали к партизанам. В департаменте Верхняя Луара действовали еврейские партизанские отряды, которыми командовали майор Пайоль (Пьер Леви), полковник Бенуа (Поль Бекер) и доктор Шварц.

Еврейское Сопротивление или сопротивление евреев?

Среди бойцов Французского Сопротивления было много евреев. И в руководстве движения евреи были довольно заметными фигурами. Например, Даниэль Майер, бывший помощник председателя правительства Народного фронта Леона Блюма. В годы войны он был генеральным секретарем нелегальной социалистической партии и членом высшего руководящего органа Сопротивления – Conseil National de la Resistance (CNR). Когда война

закончилась, стал министром труда в правительстве Седьмой республики и членом Конституционного Собрания.

Премьер-министр Пьер Мендес-Франс во время войны служил пилотом-бомбардировщиком и парашютистом в военно-воздушных войсках армии генерала де Голля. Юрист и профессор Сорбонны Рене Касин (1887–1976) стал ближайшим соратником де Голля в Лондоне и министром французского правительства в изгнании. В 1968 году он был удостоен Нобелевской премии мира – так был отмечен его вклад в борьбу за права человека.

Лео Амон (Гольденберг) руководил группой Сопротивления *Ceux de la Resistance*, действовавшей в северной Франции. Силами этой группы в Париже была уничтожена картотека немецкой организации, занимавшейся отправкой людей на принудительные работы в Германию; в результате десятки тысяч человек избежали рабского труда. Позже Лео Амон стал членом CNR и в августе 1944 года руководил восстанием в Париже.

Военный пилот Гильберт Грандваль (Хирш-Ольдендорф) организовал Сопротивление в Лотарингии и как личный представитель де Голля стал руководителем Национального сопротивления в военном округе «С», включающем провинции Эльзас, Лотарингия, Шампань и Аргон. После войны был назначен верховным комиссаром земли Саар, а позднее – наместником в Марокко.

Сын раввина из Страсбурга архитектор Роже Виллон (Гинсбургер) руководил коммунистической организацией Сопротивления FTP (*Francs-Tireurs Partisans*) и был членом CNR. Морис Вальримон (Кригель), до войны бывший видным деятелем прокоммунистического профсоюза в Эльзасе, стал руководителем Сопротивления в южной Франции.

Этот список можно было бы продолжить.

Считать ли приведенные примеры случаями «сопротивления евреев», или их следует отнести к более общему понятию «еврейское Сопротивление»? Обоснованный ответ на этот вопрос требует специального рассмотрения. А пока приведем мнение одного из ведущих современных исследователей Холокоста Арнольда Паукера, который много лет был директором Лондонского института еврейской истории. Его вывод тщательно обоснован и однозначен:

«Противопоставление еврейского Сопротивления и «сопротивления евреев» пора выбросить на свалку. Еврейское Сопротивление принадлежит к общеевропейскому антифашистскому Сопротивлению как важная и неотъемлемая его часть» [3].

Литература

1. Lustiger Arno. *Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933–1945*. Muenchen, 1997.
2. Tchakarian Arsene. *Les Francs-Tireurs de l ' Affiche Rouge*. Paris, 1986.
3. Paucker Arnold. *Standhalten und Widerstehen. Der Widerstand deutscher und oesterreichischer Juden gegen die nationalsozialistische Diktatur*. Essen, 1995.

Одиссея Марка Хермана

Львов

Летом 1941 года, когда фашисты заняли Львов, Марку Херману было всего четырнадцать лет. В городе начались облавы на евреев. Во время одной из таких «акций» были схвачены и брошены в концлагерь Яновка родители Марка, и мальчик остался один. Евреям было предписано носить на руках повязки с желтыми звездами, однако Марк решил, что от него немцы этого не дождутся. Жизнь в городе с каждым днем становилась все тяжелее. Но мальчишки знали одно такое место, где можно было получить хоть какую-то помощь: итальянские солдаты, расквартированные при штабе на улице Коперника, выносили голодным еврейским детям еду.

Как-то раз Марка схватил на улице эсэсовец и повел в гестапо. Удача улыбнулась ему тогда: он сумел убежать; потом снова был пойман – и снова убежал. Несколько раз он бегал в Яновку на свидания с отцом. Однажды ему сказали, что отец заболел тифом и его застрелили охранники. Что стало с мамой, Марк так и не узнал.

В итальянском гарнизоне, куда он приходил довольно часто, мальчик подружился с молодым сержантом по имени Альдо. Но кто-то донес военной полиции, что сержант Альдо помогает детям, и его отправили на фронт.

Два важных события случились в жизни Марка в ту пору. Во-первых, он сумел выправить фальшивые документы, став на все военные годы украинцем Ильковым. А во-вторых, случайно нашел учебник итальянского языка и самостоятельно выучил этот язык, что очень пригодилось ему в дальнейшем.

Так прошло два года, а летом 1943-го итальянские войска были передислоцированы на родину. Знакомые солдаты взяли Марка с собой, и в Италии «сын полка» оказался в военном лагере в Удине. Рядовой Пиетро Джиованни заявил, что хочет усыновить Марка. Ему разрешили увезти мальчика к себе.

Италия

В сентябре 1943 года фашистский режим на Аппенинском полуострове был свергнут, Муссолини арестован. Присоединившись к антифашистской коалиции, Италия объявила Германии войну. Однако немцы оккупировали страну и стали разоружать итальянские войска. Военный лагерь в Удине был ликвидирован, итальянские солдаты оказались в плену у немцев и были отправлены в новый лагерь – в Местре, под Венецией. Оттуда немецкое начальство предполагало перевести их в лагерь для военнопленных в Германию.

По дороге в Местре Марку снова повезло. Немецкий солдат из Силезии, немного говоривший по-польски, помог шестнадцатилетнему «польскому юноше» спрыгнуть с поезда вблизи деревни Пери под Вероной. Подросток хотел добраться до северного городка Канишио, чтобы разыскать там родителей Джиованни.

Гористая Северная Италия была благодатным местом для беженцев – и не только потому, что горы и леса давали укрытие. Тем, кто попал в беду, охотно помогали местные жители. Историки подсчитали, что число офицеров и солдат союзников, бежавших из немецкого плена в Северную Италию, могло соответствовать нескольким дивизиям. Тысячи евреев нашли спасение в итальянских семьях и отрядах партизан.

После долгих странствий по Италии Марк оказался наконец в Канишио, был принят в семью Джиованни и до мая 1944 года посещал гимназию Салезианского ордена. В начале

июня 1944-го в город вошел большой отряд чехов, которых немцы заставляли воевать на стороне Гитлера. Взбунтовавшись, чехи дезертировали и хотели объединиться с итальянскими партизанами. Случилось так, что именно в Канишио должна была состояться встреча. Марко взяли переводчиком. Он попрощался со своими приемными родителями и ушел с чешско-итальянским партизанским отрядом.

В партизанах

Уже 19 июня 1944 года Марк принял участие в крупной операции по захвату арсенала оружия. Отряды Четвертой дивизии имени Гарибальди, отряд «Справедливость и свобода» и Первая бригада имени Маттеотти атаковали немецкие военные части и подразделения СС. Операция прошла успешно, было захвачено большое количество боеприпасов, много эсэсовцев взято в плен. К сожалению, немалые потери понесли и партизаны.

Юноша участвовал во всех вылазках своего отряда – 49-й штурмбригады имени Гарибальди, действовавшей в горах провинции Пьемонт. Особенно ему запомнилась битва за городок Церцола-Ройале, расположенный на высоте 1600 метров над уровнем моря. В этом сражении был убит командир бригады.

В сентябре 1944 года Марк Херман (по документам Ильков) был принят в секретный отряд радистов-парашютистов, подчинявшийся американской военной Организации разведки и диверсионной деятельности (OSS) со штабом в городе Неаполе. В задачи отряда входили сбор и передача военной информации из оккупированных немцами районов. Кроме того, бойцы передавали партизанам грузы оружия и обмундирования, которые союзники сбрасывали на парашютах.

Марк Херман в 1944-м и 1984-м годах

Бойцам-радистам не раз приходилось вступать в бой: немцы буквально охотились за ними. В ноябре отряд был атакован одетыми в белые маскхалаты немецкими горными егерскими частями. Чтобы не отдать рацию в руки врагов, Марк карабкался на заснеженную вершину скалистых гор в поисках убежища.

К апрелю 1945-го партизанское движение распространилось на всю Северную Италию. Партизаны с боями освобождали города и села. Задачей отряда Марка было предотвращать диверсионные акты, планировавшиеся отходившими немецкими войсками.

Первого мая Марк узнал, что его бывшая часть, 49-я штурмбригада имени Гарибальди, находится в Турине. Встреча с боевыми друзьями была очень эмоциональной; радость общения омрачалась известиями о погибших товарищах.

Через несколько дней штаб-квартира OSS из Неаполя была переведена во Флоренцию. Американская военная бюрократия воспользовалась случаем, чтобы организовать массовую проверку и перерегистрацию документов. Для того чтобы стать партизаном, было достаточно минуты. Теперь документов OSS пришлось ждать несколько недель. Только 18 мая 1945 года полковник Рассел Ливермор, командир 2677-го полка OSS, подписал свидетельство, подтверждающее, что доброволец Марко Ильков является служащим полка, имеет право носить американскую военную форму и использовать для передвижения военные транспортные средства.

Со слезами на глазах прощался Марк с боевыми товарищами. Впервые за всю службу он открыл им свое настоящее имя – Марк Херман.

После победы

В июле 1945 года Марк обратился в советскую военную миссию города Модены с просьбой разрешить ему вернуться в родной Львов. На военном грузовике проехал он всю Австрию и Венгрию, а на советской границе был допрошен офицером службы безопасности. Последний вопрос звучал так: «Какую шпионскую школу вы заканчивали?». Этот вопрос с пристрастием Марк с горечью вспоминал спустя десятилетия.

Наконец Марка Хермана признали гражданином СССР и направили в Киев, где он должен был получить освобождение от военной службы: ему исполнилось восемнадцать лет, но свой военный долг он уже выполнил. Однако вскоре Марк понял, что советский Львов – это совсем не то место, с которым можно связать свое будущее.

Ему удалось бежать из СССР – сначала в Польшу, потом в Австрию. Там он стал членом нелегальной еврейской организации Бриха, занимавшейся отправкой эмигрантов-евреев из

Европы в Палестину. Марк свободно говорил по-итальянски, поэтому Бриха часто направляла его в Рим и другие города Италии. Позднее он был назначен инструктором по военной подготовке в специальном лагере Ла Специа для молодых добровольцев из числа еврейских эмигрантов.

Война в Европе давно закончилась, но в Палестине шла борьба за создание независимого государства Израиль. Марк Херман не мог быть в стороне. Его работой были довольны, друзья-партизаны предлагали ему остаться в Италии, стране, которую он любил, за которую честно сражался и которая ценила его верность. Но желание помочь Израилю было сильнее. В 1948 году Марк Херман ступил на Святую Землю.

«Мы дошли до края карты!»

В Израиле шла война за независимость. 14 мая 1948 года было провозглашено образование еврейского государства. На следующий день, 15 мая, армии Египта, Трансиордании, Сирии, Ливана и Ирака начали наступление на Израиль.

Молодое государство еще не имело регулярной армии, добровольцы уходили в буквальном смысле с корабля на фронт.

Марк Херман записался в штурмовую бригаду Пальмах и уже через несколько дней участвовал в тяжелейших боях в пустыне Негев. Его отряду было поручено выйти к Красному морю в районе города Эйлата.

Выход к Красному морю имел для Израиля важное стратегическое значение. Арабские страны, несмотря на многократное превосходство в живой силе и технике, явно проигрывали войну. Организация объединенных наций готовила резолюцию о прекращении военных действий и утверждении окончательных границ еврейского государства. Нужно было успеть до принятия этой резолюции взять Эйлат. Времени на полноценную подготовку операции не оставалось, отряд десантников был направлен в Эйлат без подробных карт побережья Красного моря.

В историю Израиля навсегда вошла радиограмма командира десантников Пальмаха: «Мы дошли до края карты! Что делать дальше?». А дальше – порт Эйлат стал и навсегда остается израильским.

Из политических соображений прославленные отряды Пальмах, освободившие для Израиля пустыню Негев, были расформированы и влились в состав других армейских соединений. Марк Херман стал унтер-офицером 52-го полка штурмбригады Гивати.

В 1950 году пришло время закончить военную службу. Командир полка предложил Марку остаться в армии офицером, но тот ответил: «Вот уже девять лет, с 1941 года, мне не приходилось находиться больше двух месяцев в одном месте. Я хочу наконец иметь свой дом».

И у Марка появился такой дом – он построил его своими руками. Между Хайфой и Акко был организован «Киббуц бойцов гетто» («Лохамей Хагеот»). Позднее там были открыты музей и архив еврейского Сопротивления. Самым молодым из «отцов основателей» этого киббуца стал Марк Херман.

В 1979 году Марк Херман был назван Почетным гражданином итальянского города Канишио. Через пять лет, в 1984 году, были опубликованы воспоминания Марка, в которых он описал свой удивительный боевой путь – от заснеженных Альп до теплого Красного моря.

Литература

1. Herman Mark. Von den Alpen bis zum Roten Meer. Paris, 1984.

2. Lustiger Arno. Zum Kampf auf Leben und Tod! Vom Widerstand der Juden 1933–1945. Muenchen, 1997.

Женский бунт на улице Роз

В первые дни марта 1943 года в Берлине произошло событие, в реальность которого трудно поверить и сейчас. Несколько тысяч евреев, собранных в пересылочном лагере на улице Роз (Розенштрассе, 2–4) для отправки в лагеря смерти, получили свободу. Более того, через две недели были возвращены в Берлин и тоже отпущены по домам двадцать пять человек, депортированных в Освенцим. И это не было результатом тайной операции подпольщиков. Всех этих людей нацисты отпустили вполне легально, с выдачей соответствующих справок и удостоверений. Отлаженная машина уничтожения впервые дала сбой, приговоренные к смерти жертвы остались жить. Многие из них увидели конец гитлеризма. Некоторые живы и сейчас [1, 2].

Спасением своим они обязаны нескольким сотням простых берлинцев, в основном женщин, которые в течение двух недель выходили на Розенштрассе и требовали вернуть им мужей, отцов и детей. Это был первый и единственный протест немцев против депортации евреев, против проводимой политики расизма. И протест этот увенчался полным успехом. Неумолимая и беспощадная власть на этот раз была вынуждена уступить.

Люди, протестовавшие на улице Роз несмотря на угрозы вооруженных эсэсовцев, проявили истинное мужество и бесстрашие. Немецкие женщины, вышедшие замуж за евреев, прошли длинный путь испытаний. Долгие годы сопротивлялись они настойчивым попыткам властей добиться от них развода. Своей стойкостью они спасали супругов от гибели: развод означал для евреев немедленную депортацию и неминуемое уничтожение.

История, о которой мы рассказываем, не только уникальна, но и поучительна. Она заставляет задуматься над моральными проблемами, не потерявшими актуальность и в наши дни.

Подарок фюреру ко дню рождения

Ранним утром в субботу 27 февраля 1943 года в Берлине началась операция под условным названием «Фабрики», в результате которой Берлин должен был стать «свободным от евреев городом». Эту идею давно вынашивал министр пропаганды и руководитель городской организации (гауляйтер) НСДАП Геббельс. И задумывалась она как особый подарок Гитлеру к его пятидесятичетырехлетию 20 апреля 1943 года.

Операция проводилась по тщательно разработанному сценарию. На фабрики и заводы, где на принудительных работах были заняты евреи, врываются эсэсовцы и загоняли их в подогнанные для этого случая грузовики. Людей, которым не давали взять с собой ни еду, ни одежду, свозили в специальные сборные пункты, а оттуда партиями отправляли в лагеря уничтожения. Все это продолжалось две недели, причем под конец евреев стали забирать не только с рабочих мест. Облавы проводились и в жилых домах. Не спаслись даже те, кто был болен...

Памятный знак на улице Розенштрассе в Берлине

В операции «Фабрики» были задействованы отборные части СС, в том числе известный отряд «Адольф Гитлер»; для ее проведения были выделены все имевшиеся в Берлине грузовые автомобили. Разработкой деталей руководил специально вызванный из Вены по приказу Адольфа Эйхмана известный своей жестокостью по отношению к евреям Алоиз Бруннер. В свое время он буквально за несколько месяцев очистил от евреев австрийскую столицу, что никак не удавалось его «коллегам» в Берлине.

Чтобы правильно оценить описываемые события, подчеркнем, что время постоянных побед немецкой армии на фронтах уже закончилось. Под Сталинградом 31 января 1943 года капитулировала армия Паулюса: 300 тысяч немецких солдат оказались в плену. Впервые у многих простых немцев появилось ощущение, что «тотальная война» вовсе не обязательно означает тотальную победу. Это ощущение усилилось после сильнейших бомбардировок Берлина, осуществленных британскими Королевскими военно-воздушными силами в ночь с первого на второе марта. Тогда на город было сброшено больше бомб, чем за все остальные бомбардировки, вместе взятые. Берлин стоял в огне и руинах. Погибло как минимум 500 человек. Тысячи остались без крова.

Геббельс надеялся, что операция против евреев поднимет моральный дух нации.

Немного статистики

Когда национал-социалисты пришли к власти, в Берлине проживало, согласно переписи населения 16 июня 1933 года, 160 564 человека иудейского вероисповедания. Это составляло примерно треть всех верующих евреев Германии, которых в общей сложности насчитывалось 499 682 человека. К 1939 году это число уменьшилось наполовину: перепись, проведенная 17 мая, показала 218 007 иудеев и кроме этого еще 19 716 евреев по происхождению, то есть принадлежавших к другим религиям или являвшихся атеистами. Подобной классификации перепись 1933 года еще не знала. Тогда еврея, перешедшего в христианство или не исповедующего вообще никакую религию, официальная статистика евреем не считала.

После печально известной «Хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года большая часть евреев эмигрировала из Германии. К эмиграции подталкивали многочисленные запреты и предписания, предельно ограничивавшие их в правах и делавшие их жизнь почти невыносимой. В период между «Хрустальной ночью» и началом Второй мировой войны 1 сентября

1939 года было опубликовано свыше двухсот таких указов – иными словами, каждые полтора дня появлялся новый запрет. Евреям запрещалось сидеть на общественных скамейках, еврейским детям – посещать общественные школы, вводились обязательные дополнительные имена Израиль для мужчин и Сара для женщин... Садистской изобретательности нацистских властей не было предела.

В «Старом Рейхе», т. е. собственно в Германии, проживало около 68 миллионов человек. Еврейское население составляло незначительное меньшинство, но и эта доля сократилась с 0,77 процента в 1933 году до 0,35 в 1939-м. Но в Берлине их было больше. В 1939 году в столице Рейха насчитывалось 82 457 евреев «по происхождению», что составляло 1,9 процента общего количества населения.

Берлин привлекал многих евреев из других мест. Они относительно легко могли затеряться в этом городском муравейнике, скрыть свое еврейское происхождение от соседей и сослуживцев. Тогда как в маленьких городках после прихода гитлеровцев к власти травля принимала немыслимые размеры, в столице еще можно было жить сравнительно спокойно. И только с введением 19 сентября 1941 года шестиконечной звезды Давида как обязательного отличительного знака положение евреев резко изменилось. Вскоре (23 октября 1941 года) для них была окончательно запрещена эмиграция из Германии.

К тому времени в Германии проживало 163696 евреев, шесть месяцев спустя, в январе 1942-го, их было всего 131823, а на следующий год, в январе 1943-го, незадолго до операции «Фабрики», осталось 51 257, из которых более половины (27 тысяч) жило в Берлине.

В ходе операции власти намечали депортировать из города 15 тысяч человек – все они подлежали уничтожению в лагерях смерти. Второго марта 1943 года комендант Освенцима Рудольф Хёсс получил от берлинского начальства телеграмму, в которой сообщалось, что первого числа начинается отправка в лагерь транспортов с новыми заключенными. В телеграмме подчеркивалось, что отправляется около 15 тысяч здоровых и работоспособных евреев, до этого работавших на предприятиях по выпуску военной продукции.

Операцию «Фабрики» нацистам не удалось провести в полной тайне. В своем дневнике (запись 11 марта 1943 года) Геббельс жалуется, что как минимум четырем тысячам евреев удалось узнать о ее подготовке и скрыться. Всего в период с 1 по 12 марта в Освенцим было отправлено почти 8000 евреев.

Очень немногие берлинские евреи пережили Холокост. В основном это были те, кому удалось уйти в подполье, стать, как они сами себя называли, «подводными лодками». Их число оценивается примерно в 2000. Еще 5990 евреев до самого освобождения жили в Берлине совершенно легально – это были главным образом супруги из «привилегированных» смешанных браков и так называемые «защищенные евреи», которых государство по различным причинам освобождало от депортации. А кроме того, удалось спастись нескольким тысячам (по разным оценкам от двух до шести) людей, находившихся в пересылочном лагере на Розенштрассе. Большинство из них принадлежало к смешанным немецко-еврейским семьям. Фашистские власти так до конца и не решили, как относиться к таким семьям.

Арифметика расизма

Расовая доктрина национал-социалистов в достаточной степени была разработана уже к началу тридцатых годов. Гитлер считал себя крупным теоретиком расизма. Согласно его теории даже несколько капель еврейской крови загрязняют «арийскую». В мае 1934 года гауляйтер НСДАП и оберпрезидент провинции Бранденбург писал в одной из газет: «Еврей – это тот, кто несет в себе более 10 процентов еврейской крови». Отсюда следовало, что все смешанные браки между евреями и немцами должны быть запрещены.

Уже в партийной программе НСДАП 1920 года четвертый пункт гласил, что «...гражданином может считаться только человек немецкой крови, ни один еврей гражданином быть не может». Тогда нацистам все казалось ясным. Однако придя к власти, очень скоро они обнаружили, что применить эту схему на практике не так уж просто.

Расовое деление оказалось очередной национал-социалистической фикцией. Перед ними встал вечный вопрос: кого считать евреем? Или, более конкретно: какой степенью «еврейства» должен обладать человек, чтобы считаться евреем?

Вначале казалось, что эта задача вполне решаема. В законе о государственных служащих от 11 апреля 1933 года было дано определение еврея «от противного»: «Человек не считается арийцем, если он происходит от неарийских, особенно еврейских, дедушек и бабушек. Достаточно, чтобы один родитель или прародитель не был арийцем. Это безусловно справедливо, если кто-то из родителей, дедушек или бабушек исповедовал иудейскую религию». «Неариец» не мог быть государственным служащим. Тот, кто хотел в гитлеровском Рейхе стать госчиновником, должен был представить доказательства своего «арийства».

Уже в этом законе проявилось противоречие между расистской теорией нацистов и их практикой. Чтобы доказать, что дедушки или бабушки были евреями, нужно было ссылаться на их принадлежность к иудаизму. Для нацистов же при определении принадлежности к еврейству религия не имела значения. Крещеный еврей или еврей-атеист оставался для них евреем.

Еще отчетливее проблемы с логикой в расистской теории проявились в Нюрнбергских законах о гражданстве, принятых в сентябре 1935 года. То, что лежало в основе этой идеологии, оказалось фикцией. Не было двух четких множеств – евреев и противостоящих им арийцев. Между ними существовала «размытая зона», в которой теоретики расизма долгие годы безуспешно пытались разобраться. Особенно сложной оказалась проблема «мишлингов», или метисов – детей от смешанных браков. Для них пришлось вводить специальную градацию.

«Еврей на три четверти» – человек, у которого трое из дедушек и бабушек были евреями, – у нацистов считался «полным евреем». «Полуеврей» – тот, у кого евреями были двое из дедушек-бабушек, – назывался «мишлингом первой степени» и относился к евреям в двух случаях: либо он состоял в смешанном браке, либо исповедовал иудаизм. В других случаях человек получал права гражданства и пользовался преимуществами арийцев. «Четвертушкой еврея», или «мишлингом второй степени», назывался человек, имевший в родстве одного еврея – дедушку или бабушку. При этом он считался немцем по крови и становился гражданином, как «чистый ариец».

Смешанные браки

В Германии первой трети двадцатого века ассимиляция евреев ярко выражалась в увеличении количества смешанных браков. По их числу страна занимала первое место в Европе. Например, в 1904 году 9,3 процента вступивших в брак еврейских мужчин и 7,7 процента еврейских женщин выбрали себе супругов, не принадлежавших к еврейской общине. С 1910 по 1913 год эти доли увеличились соответственно до 13,5 и 10,92 процента, а в годы Первой мировой войны таких браков стало еще больше – 29,86 и 21 процент. И в 1933 году эта тенденция, как бы она ни противоречила идеологии нацистов, еще сохранялась: 44 процента немецких евреев и евреек выбрали себе супругов иной национальности. В 1934-м из-за роста антиеврейской пропаганды и усиления преследований этот показатель снижается до 15 процентов, а с сентября 1935-го Нюрнбергскими законами запрещается заключать браки и помолвки «между представителями различных рас».

В 1935 году из полумиллиона верующих евреев в Германии около 35 тысяч жили в смешанных браках. При переписи населения 1939 года, проводившейся по расистским критериям, на территории «Великого Рейха», т. е. включая Австрию и Судеты, проживало 330892 «полного еврея» (включая 23529 христиан еврейского происхождения), 72738 «мишлингов первой степени» и 42811 «мишлингов второй степени».

По оценкам историков почти 400 тысяч немцев были связаны с евреями тесными семейными узами: их супруги, дети или внуки считались евреями. Гонения на евреев касались этих немцев непосредственно. Не считаться с мнением такой большой части немецкого общества власти не могли.

Евреи в смешанных браках не были так беззащитны перед зловещей властью, как большинство евреев, «не породненных с арийцами». Известны примеры того, как арийская родня заступалась за преследуемых родственников.

Перед началом Второй мировой войны Гитлер ввел новый термин в сложной арифметике расизма. Это определение не было закреплено письменно, но свято учитывалось властями на местах. Фюрер назвал смешанный брак арийца с еврейкой «привилегированным» – в отличие от «простого» смешанного брака еврея с немкой. Супруги, состоявшие в «привилегированном» смешанном браке, так же как и их дети, освобождались от многих ограничений и запретов. В частности, еврей в «привилегированном» браке не должен был носить опознавательный знак – шестиконечную звезду. Супруги же «простого» смешанного брака, напротив, фактически приравнивались к евреям – и их выселяли в специальные «еврейские дома». Такая судьба постигла, например, знаменитого филолога и писателя Виктора Клемперера, оставившего в своих дневниках неоценимые свидетельства. Он пережил войну благодаря своей жене-арийке. В лагере на улице Роз оказались в основном евреи из «простых» смешанных браков, так что против их ареста протестовали главным образом женщины – их немецкие жены.

Браки между немцами и евреями угрожали важной цели нацистов – изоляции последних от первых. Поэтому власти принимали все меры, чтобы заставить немок развестись со своими супругами. В ход шли и угрозы, и посулы. Если смешанный брак распадался, то «еврейская половина» практически мгновенно исчезала: нацисты безбоязненно отправляли жертву в лагерь уничтожения. В тех же случаях, когда наперекор всем требованиям смешанный брак сохранялся, расправиться с евреем напрямую власти не решались. Вызвать недовольство даже у какой-то части немецкого населения означало поколебать один из главных принципов тоталитаризма – «нерушимое единство партии и народа».

Проблема смешанных браков много раз рассматривалась на совещаниях нацистского руководства. Фашисты не собирались мириться с легальным существованием евреев. Наличие немецкого супруга сводило на нет многие предусмотренные для них запреты и ограничения. Например, евреям запрещалось на территории Третьего Рейха читать любые газеты, кроме специальной «Юдише нахрихтенблатт». Но кто мог запретить состоящему в смешанном браке арийцу купить немецкую газету или подписаться на нее?

Принципиально в вопросе уничтожения всех евреев руководители Рейха были единодушны. Но в отношении смешанных браков существовали серьезные разногласия между Гиммлером и Геббельсом. Шеф государственной безопасности Гиммлер, его заместитель Гейдрих, Адольф Эйхман настаивали на немедленной и решительной депортации всех евреев, даже если немцы – их супруги не были согласны на развод. Предлагались насильственные разводы, стерилизация и даже совместная депортация таких пар. Напротив, Геббельс, а впоследствии и сам Гитлер склонялись к тому, что возможные акции протеста со стороны немецких родственников крайне нежелательны и опасны. Было решено сначала покончить с «еврейским вопросом» в оккупированной Европе, а потом вернуться к проблеме смешанных браков в «Старом Рейхе». Это и дало женщинам на Розенштрассе возможность

спасти своих мужей. Однако для того чтобы добиться успеха, требовалось немалое мужество и стойкость.

Соппротивление сердца

Американский историк Натан Стольцфус назвал протесты женщин против депортации родных «сопротивлением сердца». Очень многих из них выйти на Розенштрассе заставила любовь к своим мужьям – чувство, прошедшее через множество испытаний и сохранившееся на долгие годы, а часто и на всю жизнь.

Супруги Брауны до сих пор живут в Берлине. Несколько лет назад они отпраздновали золотую свадьбу. События на улице Роз они помнят во всех подробностях.

Урсуле Браун (в то время Кретчер) был тогда 21 год. Она уже пять лет жила вместе с Герхардом в гражданском браке. Официальная регистрация брака таила для них смертельную опасность. Оба были мишлингами: она второй степени, он – первой. Познакомились они в 1938 году на свадьбе родственников – его брата и ее сестры. Дочка немца-католика и еврейки и сама католичка, Урсула имела хотя и слабую, но все-таки защиту: по закону она могла относиться к «немецкой расе». Брак с «почти полным евреем» Герхардом (отец – еврей, мать – немка) мог эту защиту разрушить. Именно так произошло с ее сестрой, которая вместе с мужем погибла в Майданеке в 1942 году.

Когда в феврале 1943 года больного Герхарда забрали гестаповцы, Урсула, как и сотни других женщин, бросилась на поиски – ей нужна была хоть какая-то информация о судьбе арестованного. Через некоторое время она оказалась на Розенштрассе – старинной берлинской улице в пяти минутах ходьбы от центральной площади Александерплац. Напротив огромного здания, когда-то принадлежавшего берлинской еврейской общине, а теперь приспособленного под пересылочный лагерь, собралось несколько сотен женщин. Время от времени они скандировали: «Верните нам наших мужей!». Здание охраняли эсэсовцы с автоматами, и Урсула долго не могла избавиться от противного чувства страха. Но любовь была сильнее.

Чтобы удостовериться, что супруг находится здесь, Урсула подошла к охраннику и попросила сказать ее мужу Герхарду Брауну, чтобы он вернул ей продовольственную карточку. Через несколько минут тот вынес карточку, на обороте которой рукой Герхарда было написано, что он жив и здоров.

Это была маленькая хитрость, к которой в те дни прибегали многие женщины: получив от заключенных ключи, карточки, документы, они таким образом узнавали, что их мужья живы и находятся в этом лагере.

Супруги Браун. 1990 г.

Почти две недели приходила Урсула на Розенштрассе, приносила для Герхарда передачи и вместе с женщинами, которых становилось все больше, требовала вернуть ей мужа. Через несколько дней вооруженных охранников с улицы убрали, нацисты решили не нагнетать напряженность, но это вовсе не означало, что власти и в дальнейшем не применить силу, чтобы прекратить протесты. И все же демонстрации неповиновения на Розенштрассе закончились мирно. Арестованных начали выпускать на свободу, выдавая им официальные справки и удостоверения.

Надо сказать, что приходившие сюда женщины не всегда действовали во имя любви. Например, супруги Хайнц и Анна Ульштайны уже несколько лет не жили вместе и собирались развестись. Свидетельство о разводе было уже почти готово, однако в последний момент Анна взяла свое заявление назад и тем спасла Хайнцу жизнь. Когда его забрали в лагерь на Розенштрассе, она делала все, чтобы помочь своему бывшему мужу. Развелись они через несколько лет после войны. Хайнц Ульштайн посвятил своей бывшей жене главу в книге воспоминаний. Глава называется: «Германия... Анна, это ты!».

«Жизнь не по лжи»

Первое письменное сообщение о протестах на Розенштрассе появилось в берлинской женской газете «Она» сразу по окончании войны. А затем целых пятьдесят лет ни историки, ни журналисты не вспоминали о том, что происходило на улице Роз. Только в девяностые годы начали публиковаться монографии, статьи, выходить документальные фильмы об этих событиях. К их пятидесятилетию по проекту художницы Ингебор Хунцигер по распоряжению руководителя ГДР Эриха Хоннекера был создан мемориальный скульптурный комплекс, но открыт он был уже после падения Берлинской стены и объединения Германии.

Что могло означать столь долгое молчание о таком, казалось бы, необыкновенно привлекательном для историков и писателей случае, как спасение человеческих жизней в условиях безжалостной тирании?

Успех демонстраций на Розенштрассе позволяет несколько по-иному взглянуть на события прошлого и, в частности, на ответственность немецкого народа за преступления нацистов. Распространенное оправдание звучит так: «Мы о лагерях уничтожения ничего не

знали». Действительно, планы нацистского руководства «окончательно решить еврейский вопрос» держались в тайне от народа. Но люди видели, что преследование евреев все больше ужесточается. Прямому уничтожению предшествовали их выделение среди других людей (опознавательные знаки – шестиконечные звезды), изоляция (еврейские дома, гетто), концентрация (концлагеря). И как завершение этого страшного процесса следовало массовое убийство.

Выступления на Розенштрассе показывают, что если бы евреи не были изолированы от немецкого общества, их уничтожение оказалось бы сложной проблемой для властей. А подавляющее большинство немцев не возражало против этого. С 1933 года практически не было протестов немцев против расистских законов и распоряжений нацистов. И таким образом руки фашистских преступников оказались развязанными. Тотального геноцида евреев можно было бы избежать, если бы не пассивность и молчаливое одобрение немцев по отношению к действиям своего правительства.

Знаменитый философ Карл Ясперс в своем первом после войны публичном заявлении сказал: «Мы, выжившие немцы, не искали смерти. Нас не арестовывали, как наших еврейских друзей, не выгоняли на улицы, не казнили. И мы предпочитали остаться в живых с таким слабым оправданием, что наша смерть все равно никому не может помочь. Вот то, что мы живы, и есть наша вина!».

Есть и еще одна причина того, что о событиях на Розенштрассе не говорили как об антифашистском Сопротивлении. «Сопротивлением» в послевоенной литературе называли вооруженную борьбу с фашистским режимом. В странах соцлагеря к этому обязательно добавляли руководящую роль коммунистов. К «Сопротивлению» относили действия партизан и подпольщиков, но никак не мирные демонстрации на городских улицах. Демонстрации – типичное оружие диссидентов, инакомыслящих.

Об угрозе, которую инакомыслящие представляют для правящего режима, лучше других сказал Вацлав Гавел, в прошлом и сам «опасный диссидент», находившийся под надзором органов госбезопасности социалистической Чехословакии: «Если опорой системы является «жизнь по лжи», то не удивительно, что основная угроза этой системе исходит из «жизни по правде» [3]. Гавел имел в виду коммунистическую систему и известный призыв: «Жить не по лжи!», когда-то брошенный А.И. Солженицыным. Коммунизм как тоталитарную систему роднит с нацизмом стремление подчинить весь народ идеологии правящей партии. Большинство людей принимает эту идеологию или делает вид, что принимает. В последнем случае приходится действовать вопреки своей совести, то есть «жить по лжи». Тоталитаризм подавляет правду и индивидуальность. «Жизнь по правде», по мнению Гавела, создает основу для оппозиции, столь невыносимой для любого диктаторского режима.

Выступления на Розенштрассе стали для людей, которые в них участвовали, вершиной очень нелегкой жизни по совести. Их протест был направлен против расистской идеологии нацистского режима. Люди пытались «жить не по лжи» – и тем представляли опасность для тоталитарной системы, не меньшую, чем вооруженные партизанские отряды.

Литература

1. Stoltzfus Nathan. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse– 1943. Muenchen-Wien, Carl Hanser Verlag, 1998
2. Schroeder Nina. Hitlers unbeingsame Gegnerinnen. Der Frauenaufstand in der Rosenstrasse. Muenchen, Wilhelm Heyne Verlag, 1998.
3. Гавел Вацлав. Жить в правде. – См.: Век XX и мир, 1990, № 5

Барон Лёвенштейн и его нацистская тетушка

Часть первая

Дом на улице Кудамм

Его полное имя звучит торжественно: Ханс-Оскар барон Лёвенштейн де Витт. Лёвенштейн – фамилия отца-еврея, а бароном де Виттом он являлся по матери, происходившей из старинного голландского рода. Среди его предков был знаменитый Ян де Витт, великий пенсионарий, фактический правитель Нидерландов во второй половине семнадцатого века.

Мрачное время гитлеризма Ханс-Оскар пережил в Берлине, после войны надолго уехал в Израиль, а затем снова вернулся в город своего детства. Сейчас он живет в маленькой квартирке неподалеку от центральной берлинской улицы Курфюрстендамм, или, как ее ласково называют горожане, Кудамм. На Кудамм жил он когда-то с родителями в роскошной четырнадцатикомнатной квартире – площадью свыше шестисот квадратных метров, с тремя ванными комнатами и тремя туалетами. Его отец до 1933 года был руководителем биржевого отдела и представителем крупного берлинского банка.

Родственники по линии матери занимали высокое положение в немецком обществе. Тетка Елизавета (Лило, или Ли, как ее звали родные) была замужем за последним демократически избранным бургомистром Потсдама Фосбергом. Супруги жили в знаменитом замке – дворце Лихтенау, который Фридрих Вильгельм Второй, наследник Фридриха Великого, построил в Потсдаме для своей фаворитки. Все послевоенные годы до распада социалистического лагеря здесь размещалось отделение Штази – тайной полиции ГДР.

От прошлого у Ханса-Оскара осталось несколько старых фотографий и чудом уцелевшее огромное собрание семейного серебра – старинные тарелки, вазы, столовые приборы с монограммой де Виттов. Серебро напоминает о добрых старых временах, когда семья жила в любви, достатке и благополучии. Ханс-Оскар почти не застал это время: он родился в 1926 году и к моменту прихода Гитлера к власти ему было только семь лет. Зато тяжестей и лишений выпало на долю Лёвенштейнов в избытке.

Семья

Против брака родителей Ханса-Оскара их родные – ни евреи Лёвенштейны, ни христиане де Витты – не возражали. Все они придерживались либеральных взглядов, свободных от национальных и расовых предрассудков.

Дед со стороны матери, капитан дальнего плавания, служил в прусском флоте. Это был в хорошем смысле слова космополит, человек широких взглядов, совершивший пятнадцать кругосветных путешествий. Его дочь Йоханна, или просто Ханна, мама Ханса-Оскара, росла и воспитывалась в богатой аристократической семье, где уважали общечеловеческие нравственные ценности.

В семье де Виттов не было нацистов. Единственное исключение составляла уже упомянутая «тетушка Ли», которая еще в 1921 году вступила в национал-социалистическую партию, почему-то посчитав, что Гитлер будет полезен для немецкого крестьянства: она сама владела большими поместьями в Пруссии. Никакой партийной работы тетушка не вела и расистские взгляды гитлеровцев не разделяла, но за партийный стаж получила от нацистов высокую награду – Золотой значок ветерана партии, «золотой бонбон», как она шутливо называла его. Носителей этого значка было немного, он пользовался у нацистов огромным

почтением, открывал двери кабинетов и помогал решать важные вопросы. И тетушка Ли не один раз с его помощью спасала Лёвенштейнов от верной гибели.

В семье деда и бабки со стороны отца еврейские темы почти не обсуждались. Как и многие немецкие евреи, Лёвенштейны были практически полностью ассимилированы в немецкое общество. Фриц, отец Ханса-Оскара, был очень далек от иудаизма. Правда, крещение и переход в христианство он тоже считал для себя неприемлемым.

Барон Лёвенштейн. 1990 г.

Как истинный немец-патриот, в 1914 году Фриц Лёвенштейн пошел добровольцем на Первую мировую войну – воевать «за Бога, Кайзера и Отечество». К тому времени он только успел закончить школу. Получить звание унтер-офицера на войне еврей мог сравнительно легко – для этого достаточно было быть хорошим солдатом. Дослужиться до лейтенанта или тем более капитана являлось крайне редким случаем для некрещеных евреев, но Фриц сумел и это. А вот дальнейшее продвижение по служебной лестнице было возможно только после крещения. В 1917 году Фрица вызвали в Генеральный штаб, где один важный чин сказал ему:

Послушайте, Лёвенштейн! Это всего лишь проформа, наш полковой священник быстро принимает вас в евангелическую церковь, и вы немедленно переходите на службу в Генеральный штаб с серьезным повышением.

На что тот ответил:

– Господин генерал! Я не имею понятия об иудаизме, не знаю ни одной буквы по-еврейски, никогда не был в синагоге. У нас в семье уже сто лет празднуют и Рождество, и Пасху. Но прямо выйти из еврейской общины я бы не хотел – это слишком походило бы на предательство.

Генерал помолчал и закончил разговор:

– Очень жаль. Тогда оставайтесь капитаном.

В 1918 году Фрица Лёвенштейна тяжело ранило, и он вынужден был уйти из армии.

У Ханны де Витт кроме Елизаветы была еще одна сестра, Елена. Отношения между всеми сестрами были очень теплыми и сердечными. Елена обожала зятя и часто говорила:

– Ханночка, если бы я встретила такого мужчину, как твой Фриц, я была бы счастливейшей женщиной на свете.

Так продолжалось до 1933 года.

Приход к власти нацистов внес в семью раскол. И если тетюшка Ли стала настоящим ангелом-спасителем для своих еврейских родственников, то Елена буквально отвернулась от них и прекратила всякие отношения. На все просьбы ее матери, бабушки Ханса-Оскара, помочь нуждающимся Лёвенштейнам она неизменно отвечала: «Я евреям ничего не даю!».

Трещина между евреями и неевреями прошла не только в семье де Виттов. Она разломила все немецкое общество.

Любопытный случай произошел в 1938 году, сразу после ноябрьского всегерманского погрома, названного «Хрустальной ночью». Соседом Лёвенштейнов по дому на Кудамм, 73 был знаменитый киноактер Вилли Фрич. Однажды он встретил Ханну Лёвенштейн в лифте и очень вежливо обратился к ней:

– Ах, сударыня, у меня к вам большая просьба. Пожалуйста, не обижайтесь, если я когда-нибудь не поздороваюсь с вами на улице. Я ведь персона общественная, и боюсь, как бы это не повредило моей репутации.

Дело происходило за три года до введения обязательных шестиконечных звезд для евреев! Ханна была поражена:

– Да, господин Фрич, я понимаю. Ведь я очень похожа на еврейку, не так ли?

Ханна де Витт имела типично арийскую внешность. Да и Фриц Лёвенштейн не слишком походил на еврея. Как правило, нормальный немецкий еврей имел мало общего с тем евреем, каким его рисовала нацистская пропаганда. Дружить с евреями, а тем более здороваться с ними на улице не запрещалось немецкими законами. Смертельно опасными были только такие отношения, которые вели к «порче немецкой расы». Но таково уж обостренное немецкое законопослушание, что требования властей не только неукоснительно выполнялись, но часто и «перевыполнялись».

Развод как средство воспитания

В удостоверении личности, выданном Хансу-Оскару, его имя звучит так: Ханс-Оскар Израиль Лёвенштейн. По требованию нацистов добавку «Израиль» получили к своим именам все еврейские мужчины. Ханс-Оскар был ребенком от смешанного брака – «мишлингом», как тогда говорили, который при определенных условиях мог получить все права арийца. Однако он официально был признан «фактическим (действующим) евреем» (Geltungsjude) и должен был, как и отец («полный еврей» – Volljude), носить опознавательный знак – шестиконечную звезду. Но сначала в их жизни произошли важные события.

Пора было подумать об образовании мальчика. Как сына еврея его не брали в обычную немецкую школу, а чтобы учиться при еврейской общине, нужно было состоять в ней, т. е. признать, что исповедуешь иудаизм.

В 1937 году маму Ханса-Оскара пригласил к себе на аудиенцию шеф гестапо Генрих Мюллер. Как рассказывала она потом, Мюллер очень приветливо и доброжелательно разговаривал с нею. Естественно, он знал тетушку Ли – в то время был еще жив ее муж, правящий бургомистр Потсдама. Этот город – резиденция кайзеров и культурный центр Пруссии – всегда играл важную роль в политической жизни Германии.

Мюллер сделал Ханне очень заманчивое предложение. Он рассказал, что нацистские власти решили открыть в Потсдаме первую специальную школу-интернат для сыновей арийской элиты. Обучение в интернате гарантировало юношам поступление в высшее учебное заведение и блестящую карьеру в будущем. Само же предложение состояло в следующем: «Вы разводитесь со своим евреем, а мы обещаем, что ваш сын под именем Оскар де Витт станет учеником этой школы и получит прекрасное образование».

Ханна Лёвенштейн ответила твердым отказом.

Через несколько дней одиннадцатилетний Ханс-Оскар был вызван на специальное «расово-генеалогическое исследование» в Главное управление родства, крови и семьи. Не пойти было нельзя. Люди в белых халатах измеряли длину носа и толщину губ, делали другие обмеры и анализы.

Три месяца спустя Ханну Лёвенштейн вновь пригласили к шефу гестапо, и тот сказал ей:

– Послушайте, мы имеем стопроцентные доказательства того, что ваш сын принадлежит к чистому северо-арийскому типу. Нет никаких препятствий к тому, чтобы немедленно принять его в элитный интернат. Вам нужно только подписать заявление на добровольный развод с мужем. Он может сразу уехать в Англию и взять с собой все, что захочет.

Эмиграция евреев в то время была еще допустима. Правда, нужно было получить разрешение на въезд в выбранную страну, а это, как правило, было нелегко.

Ханна опять отказалась.

– Вы в этом раскаетесь, – пообещал Мюллер. – Подумайте еще.

Супруги Лёвенштейны много раз обсуждали возможность отъезда Фрица в Англию, где он мог бы дожидаться конца нацистского режима. Но это казалось слишком рискованным. Не было никакой гарантии, что его не схватят и не убьют сразу после развода. Они знали множество подобных случаев. Об Освенциме станет известно через несколько лет, но опасность уничтожения евреев ощущалась уже в 1938 году.

Фриц и Ханна твердо решили не соглашаться на развод ни при каких обстоятельствах.

Двоюродный брат Ханны граф Вольфганг Хелльдорф был в то время начальником полиции Берлина. Когда Лёвенштейны обратились к нему за советом, он сказал:

– Это все из-за Елизабет – они не хотят, чтобы в ее семье были евреи. Такое создается впечатление... Получается, что и у меня, начальника полиции Берлина, есть породненная с евреем кузина! Но, как говорится, не так горячо естся, как варится. Ничего они с вами не сделают.

В это еще верили в 1938 году!

Примерно за три месяца до «Хрустальной ночи» Ханну снова вызвали в гестапо – на этот раз вместе с сыном. Эту встречу Ханс-Оскар описал через много лет после войны.

Ординарец проводил их в огромный кабинет, где Мюллер – как всегда, приветливо – спросил у Ханны:

– Ну наконец-то все улажено? Вы хорошо подумали и теперь согласны на развод?

– Нет и нет, – ответила Ханна, – я не желаю разводиться.

Не выдержав, Мюллер вскричал:

– И вы еще хотите называться достойной немецкой женщиной?! А сами держитесь за эту еврейскую свинью! Стыдно!

Ханс-Оскар вспоминал, что лицо шефа стало пунцово-красным, а мать, наоборот, сильно побледнела.

– Да, – четко произнесла она, – именно потому, что я хочу быть достойной немецкой женщиной, я храню верность и честь в любви и держусь за своего мужа, которого люблю и который является отцом моего ребенка.

Затем Ханна повернулась к сыну и сказала:

– Ханс-Оскар, мы уходим.

Крепко держась за руки, они вышли из кабинета.

Ханс-Оскар рассказывал, что в голове у него была только одна мысль: «Все, сейчас нас расстреляют...». Но на этот раз обошлось.

«Хрустальная ночь» и мировая война были еще впереди...

Простые и привилегированные браки

Нацисты стремились разделить немецкое общество на арийцев и не арийцев и по возможности изолировать последних, прежде всего евреев. Не было до конца ясно, куда отнести детей смешанных браков между немцами и евреями. Они могли попасть в число «арийцев» или стать «действующими евреями». Важную роль здесь играла категория смешанного брака – то есть являлся ли он «привилегированным» или «простым». Эти определения ввел лично Гитлер, но официально ни в законе, ни в инструкциях они не были зафиксированы. Тем не менее власти руководствовались ими в каждом конкретном случае.

«Привилегированным» считался брак арийца с еврейкой. Брак Лёвенштейна, напротив, был «простым». Ханс-Оскар мог быть приравнен к арийцам только в случае развода родителей. Отцу этот развод, вероятно, стоил бы жизни. Лёвенштейны все же сделали попытку облегчить ребенку жизнь.

После всегерманского еврейского погрома 9 ноября 1938 года вышло постановление о так называемой «ариизации»: дети смешанных браков евреев и не евреев могут подать прошение в упомянутое Главное управление родства, крови и семьи о признании их арийцами. В то время люди еще не вполне представляли себе, что может принести статус «ариизированного еврея». Обязательный опознавательный знак в виде шестиконечной звезды был введен только в сентябре 1941 года – и тогда же было определено, что привилегированные мишлинги не обязаны носить звезды Давида.

Лёвенштейны решили подать прошение. Заполнить формуляр помог граф Хелльдорф. Он же сам направил письмо в соответствующее ведомство.

Через два месяца пришел ответ: «Отказать». Правда, в письме сообщалось, что в течение трех месяцев решение можно обжаловать. Это было сделано, но окончательный ответ снова содержал отказ. Вместо подписи стояло факсимиле рейхсфюрера СС Гиммлера.

Когда отчаявшаяся фрау Лёвенштейн пришла к своему кузену, начальник полиции Берлина только развел руками:

– Извини, Ханна, но больше я ничем не могу вам помочь.

Таковы были последствия того, что Ханна Лёвенштейн не согласилась на развод.

Ханс-Оскар хорошо помнит тот день в сентябре 1941 года, когда все евреи – и «полные», и «действующие» – должны были выйти на улицы с пришитыми к одежде «на стороне сердца» звездами Давида. Такую же звезду нужно было укрепить и на дверях квартиры. Многие чувствовали страх: как-то отнесутся жители Берлина к явно обозначенным евреям? Первое ощущение было ошеломляющим: Ханс-Оскар увидел сотни людей со звездами на груди. Оказывается, и сосед, и человек, живущий напротив, были евреями. Сотни, тысячи евреев. В то время в Берлине проживало несколько десятков тысяч людей этой национальности.

Остальные берлинцы поначалу с любопытством разглядывали «помеченных» евреев на улицах. Но очень скоро привыкли и перестали реагировать на людей со звездами. Нет, немцев нельзя обвинить в невежливости или неприветливости. Просто, по словам Ханса-Оскара, «они были, как пограничники в ГДР, – абсолютно стерильны».

Фамильное серебро

С начала Второй мировой войны евреи были обязаны сдать государству практически все свое имущество. Постепенно им запрещалось иметь граммофоны, газовые и электрические плиты, картины, книги, велосипеды...

Очередной приказ касался предметов, изготовленных из драгоценных металлов.

Сегодня многие недоумевают, почему евреи не пытались продать свои ценные вещи на черном рынке или хотя бы обменять их на продукты. Но все не так просто: нацисты проявили в этом деле дьявольскую предусмотрительность.

В 1937 году гестапо распространило среди евреев специальный опросный лист, в который следовало вписать предметы их домашнего имущества. Власти обещали, что внесенные в список вещи не будут облагаться пошлиной при эмиграции. При таком условии люди не только охотно перечисляли все, что у них было, они покупали новую утварь, чтобы внести в список и ее тоже. Ведь если, например, у вас был не один электрический холодильник, а два, то второй вы могли потом продать в эмиграции, чтобы получить хоть какие-то деньги на жизнь.

Через три недели вышло новое предписание: вещи из списка запрещено дарить и продавать без письменного согласия гестапо, причем в прошении должны быть указаны точные адресные данные получателя подарка или покупателя. Таким образом гестапо обеспечило себя полной информацией обо всех имущественных делах евреев. Излишне говорить, что любые нарушения грозили смертью.

Когда пришло указание сдать драгоценные металлы, Лёвенштейны упаковали серебро во множество коробок и ящиков. Полицейский участок находился на Грольманштрассе, 28 (где он, кстати, находится и сегодня). Ко всем предписаниям о сдаче вещей прилагалось еще одно иезуитское дополнение: евреям запрещалось заказывать какие бы то ни было транспортные средства – свое имущество они должны были доставить в полицию сами. Ни возраст, ни здоровье во внимание не принимались. И в назначенный день на улицах Берлина можно было видеть тысячи людей, мужчин и женщин, которые как угодно – на самодельных тележках, в детских колясках – тащили скарб.

Сдав имущество, Ханна сразу же поехала в Потсдам к сестре, «нацистской тетушке» Ханса-Оскара, и все ей рассказала. Та возмутилась:

– Как вы могли отдать наше фамильное серебро? Это невозможно!

Она надела свой «золотой бонбон» и вместе с Ханной отправилась в полицейский участок. Там она не встретила никаких препятствий: перед Золотым значком все стояли навывтяжку.

Едва войдя, тетушка потребовала вызвать начальника и прежде чем тот успел раскрыть рот, перешла в наступление:

– Хайль Гитлер! Скажите-ка, как это вам пришло в голову забрать наше фамильное серебро? Я буду лично рейхсфюреру СС жаловаться! Что вы, собственно, себе позволяете?

При виде разгневанной женщины с Золотым партийным значком на груди начальник участка перепугался и, слегка заикаясь, спросил: – Как, разве ваша сестра еврейка?

– Ну разумеется, нет, ведь она моя сестра. Она замужем за евреем. А серебро принадлежит нашей семье.

– Почему же, товарищ, она ничего не сказала? Сейчас все будет улажено, – сказал начальник, оправдываясь.

Через десять минут все коробки и ящики с серебром были возвращены и на специально выделенном грузовике перевезены в Потсдам, в тетушкин дворец Лихтенау, где оставались до 1944 года.

Перед самым приходом советских войск тетушка Ли закопала семейное серебро в парке. Там оно пролежало до 1950 года, когда Лёвенштейны уехали в Израиль. Тетушка боялась оставаться в городе, оккупированном русскими. Ночью она тайно выкопала сокровища и переехала в Гамбург.

Теперь все реликвии вновь находятся в квартире Ханса-Оскара Лёвенштейна, недалеко от знаменитой берлинской улицы Курфюрстендамм, которую берлинцы ласково называют Кудамм.

Часть вторая

Операция «Фабрики»

«Полные евреи», как Фриц Лёвенштейн, и «действительные евреи», как Ханс-Оскар, обязанные носить шестиконечные звезды, имели право жить только в пяти немецких городах: Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Дюссельдорфе и Франкфурте. Здесь смешанные семьи могли находиться легально до конца войны. Правда, следовало соблюдать все указы и предписания режима, а их с каждым днем становилось все больше. Малейшее нарушение какого-то запрета вело к немедленной депортации и верной смерти.

Нельзя было ходить к парикмахеру, стоять у газетного киоска, выращивать дома цветы, держать домашних животных, золотых рыбок или волнистых попугайчиков... Похоже, извращенная фантазия нацистских властей не знала предела. Серьезные ограничения касались еды: в пищу евреям предписывалась брюква, красная и белая капуста, шпинат, репа и редис. Редис в шутку называли «еврейским жиром»: его клали на хлеб и ели как бутерброд. Раз в году можно было прийти на специальный «еврейский вещевой склад» и получить там пару обуви или ношеное пальто. Как правило, это были вещи, оставшиеся от депортированных.

Даже процедура сдачи имущества обставлялась массой предписаний, предельно осложнявших жизнь. Мало того, что все вещи надо было обязательно принести в полицейский участок самим. День и время для этого также выбиралось не наугад. Например, сдавать радиоприемники нужно было именно в Йом-Кипур, или Судный день – священный еврейский праздник, когда религиозному человеку запрещена любая работа. И тысячи евреев вместо того, чтобы молиться в синагоге, были вынуждены тащить тяжеленные ящики в полицию. Это было настоящее издевательство.

И тем не менее если все запреты выполнялись, евреи по закону имели право жить в указанных городах. Так продолжалось до 27 февраля 1943 года. В этот день по приказу гауляйтера НСДАП Берлина и рейхсминистра пропаганды Геббельса началась так называемая операция «Фабрики». Ее целью было окончательное освобождение Берлина от евреев. Практически все они были заняты на принудительных работах для нужд фронта на различных заводах и фабриках. И вот с самого утра 27 февраля на эти предприятия врывались отряды эсэсовцев и загоняли всех евреев в специально подогнанные грузовики.

Люди не знали, куда их везут – то ли на новое место работы, то ли в лагерь.

Ханс-Оскар Лёвенштейн оказался в сборном лагере, который занял огромное здание синагоги на улице Леветцовштрассе в районе Тиргартена. Синагога, вмещавшая по меньшей

мере три тысячи человек, за два дня заполнилась почти до отказа. Через двое суток Ханс-Оскар услышал свое имя и новый приказ забираться в кузов грузовика. Там уже было человек десять-двенадцать. Никто не понимал, что происходит. Машина направилась к центру города, в сторону Александерплац. В пути выяснилось, что все евреи в машине были, что называется, «породненными с арийцами». Их доставили в сборный лагерь на Розенштрассе.

Протесты на Розенштрассе

В начале марта 1943 года в здании, некогда принадлежавшем берлинской еврейской общине, собралось несколько тысяч (по различным оценкам – от двух до шести) евреев. Все они имели арийских родственников, как правило, женщин, которые каждый день приходили к воротам лагеря и требовали: «Верните нам наших мужей!».

На второй или третий день выяснилось, что и Фриц Лёвенштейн был там: отец и сын встретились в коридоре, когда их выводили в туалет. (Кстати, туалеты, рассчитанные на двух-трех служащих, были абсолютно не приспособлены для такого количества людей.)

Когда Ханна Лёвенштейн впервые попала на Розенштрассе, ей прежде всего нужно было удостовериться, что ее муж и сын находятся именно здесь. Здание охраняли вооруженные эсэсовцы, и Ханна обратилась к одному из них:

– Послушайте, я узнала, что моего мужа привезли сюда. Это неслыханно! Я работаю на оборонном предприятии, выполняю важные задания для фюрера и отечества, прихожу усталая домой и не могу туда попасть, потому что ключ у него. Попросите его передать мне ключ.

Через некоторое время охранник привел Фрица Лёвенштейна. Так Ханна выяснила то, что ей было нужно.

К подобным хитростям прибегали и другие женщины.

Их было много. Ханна Лёвенштейн вспоминала, что иногда приходилось изменять маршруты движения, чтобы не пробираться сквозь толпу протестующих. Если по утрам или ночью сюда приходило несколько сотен человек, то к вечеру, когда заканчивался рабочий день, собиралось до нескольких тысяч.

Женщины передавали для своих близких свертки с едой и необходимыми вещами. В огромных комнатах, где на полу, тесно скучившись, лежали люди, охранники то и дело выкрикивали имена заключенных, которым принесли передачу.

Вместе с Ханной на Розенштрассе бывала ее высокопоставленная сестра. И протестовала против ареста своих еврейских родственников так же, как и сотни других немецких женщин. Единственное отличие состояло в том, что Елизавета Фосберг приезжала на своем автомобиле – и это в военное время, когда весь бензин полагалось использовать только для нужд фронта! Обычно их сопровождала и мать – бабушка Ханса-Оскара.

Фрау Лёвенштейн рассказывала, что поначалу лагерь охраняли эсэсовцы с автоматами, направленными в толпу. Невозможно было избавиться от чувства страха. Но на второй или третий день одна вполне арийского вида женщина с двумя детьми на руках подошла к ним и громко сказала:

– Вы, свиньи, как вам не стыдно? Вы хотите стрелять в немецких женщин и детей вместо того, чтобы идти на фронт и защищать нас!

Ошарашенные солдаты молчали. Уже через три часа вместо них стояли обычные постовые без автоматов.

В это трудно поверить, но протесты женщин на Розенштрассе увенчались успехом: все заключенные были освобождены. Ханс-Оскар Лёвенштейн получил свидетельство об освобождении. Бланк начинался словами «Еврей/Еврейка...», после чего следовало впи-

сать фамилию. Но Ханс-Оскар не принадлежал к этой категории, и старательный чиновник, зачеркнув первые слова на формуляре, впечатал: «Действительный еврей Лёвенштейн».

Подобная педантичность вообще свойственна немецкой бюрократии. Порой она доходила до абсурда. В 1941 году, когда Хансу-Оскар было 15 лет, еврейскую школу, где он учился, закрыли, и школьников вывезли на принудительные работы. И все время, пока этих детей не отправили в газовые камеры, гестапо выдавало их родителям денежное пособие на ребенка и оплачивало страховку от несчастного случая. А сегодня Ханс-Оскар Лёвенштейн получает небольшую пенсию по старости, так как гестапо вносило за него взносы в пенсионный фонд.

Даже списки убитых в Освенциме составлены с пресловутой немецкой педантичностью.

Освобождение евреев из лагеря на Розенштрассе – уникальный случай в истории гитлеровской Германии. Немцы впервые открыто протестовали против депортации евреев, и их протест подействовал на власти. Этому есть вполне реальное объяснение: в то время уверенность в окончательной победе у многих сильно поколебалась, и в такой обстановке нацистское руководство не хотело вызывать новые недовольства у населения. В январе 1943 года капитулировала армия Паулюса под Сталинградом, а в начале марта Берлин подвергся разрушительной бомбардировке со стороны английской авиации. И Геббельс, желавший преподнести фюреру свободный от евреев Берлин как подарок ко дню рождения, был вынужден отступить.

Обыски

Получив освобождение, отец и сын Лёвенштейны вернулись на свою родную Кудамм. Но как здесь все изменилось! Их дом был объявлен «еврейским». Это означало, что Вилли Фритч и прочие жильцы-арийцы были переселены в другие места, а сюда вселили евреев со всего города. В квартире Лёвенштейнов жили теперь семь семей – всего двадцать один человек. Для площади в шестьсот квадратных метров это совсем не много, но вот беда: на огромной кухне была только одна газовая горелка, и готовить приходилось по строгому расписанию.

Но после 27 февраля квартира снова опустела: всех ее новых жильцов гестаповцы депортировали из столицы. Четырнадцать комнат были оставлены почти без всякой мебели: евреям дозволялось иметь одну кровать, один стол и один стул на семью.

Берлин был наполовину разрушен. Многие немецкие семьи лишились крова. А Фриц, Ханна и Ханс-Оскар оказались одни в четырнадцатикомнатной квартире, как несколько лет назад. Правда, тогда здесь была роскошная обстановка. А теперь все, что осталось, было заперто и запломбировано. Им запрещалось пользоваться лифтом, выходить на балкон и даже двигаться вдоль Кудамм – улицу можно было только пересекать. Нельзя было заходить туда, где были хоть какие зеленые насаждения. Если где-то росло три деревца и несколько цветочков, вход на это место для евреев был закрыт. Нельзя было ходить в лес, в бассейн, в кино, в театр, на концерт – все нельзя, нельзя, нельзя...

Освобождение из лагеря вовсе не означало спасения: многие евреи были после этого отправлены в лагеря уничтожения. Участились обыски, и за малейшее нарушение грозило жестокое наказание. Один такой случай, чуть не закончившийся трагедией, запомнился Хансу-Оскар надолго.

Эсэсовцы пришли сразу после ночной бомбардировки Берлина. Они открывали все шкафы, заглядывали под кровати. Потом один прошел на кухню. Там стоял ящик со льдом, который использовался вместо погреба. Только появившиеся тогда электрические холодильники евреям было запрещено иметь, а такой примитивный холодильный шкаф – дозволено.

Каждые два дня к дому подъезжал специальный автомобиль, где продавались большие куски льда.

Эсэсовец посмотрел в ящик и увидел на дне копченую камбалу. Разумеется, есть рыбу евреям не разрешалось. Ханс-Оскар рассказывал, как эсэсовец взял рыбку двумя пальцами, словно отравленную, и бросил через всю кухню.

– Что это за свинство! – закричал он Ханне. – Вы что, не знаете, что это запрещено? Я прикажу вас всех немедленно забрать.

Но Ханна не растерялась:

– Позвольте, вы же знаете, что я арийка. Я работаю на военном предприятии, и мне нужно хорошо питаться. Эту рыбу мне принесла моя мать. Без еды я не смогу работать.

Эсэсовец несколько секунд молчал, было видно, что он переживает неприятные минуты. Наконец он сказал:

– Горе вам, если от этой рыбы вы евреям хоть что-нибудь дадите.

Не найдись Ханна вовремя с ответом, и копченая рыбка стоила бы жизни всей семье.

И все же Лёвенштейнам не удалось дожить до конца войны в своей квартире. Произошли события, в результате которых они вынуждены были скрываться, а потом оказались в концентрационном лагере.

В подполье

Несмотря на все усилия гестапо, в Берлине продолжали действовать подпольные сионистские молодежные группы, которые пытались помочь оставшимся в живых евреям. Лёвенштейны как могли помогали отважным юношам и девушкам, иногда, рискуя головой, прятали их в своей квартире. Однажды подпольщики получили из Швейцарии большую сумму денег – около ста тысяч марок. Необходимо было решить, где их спрятать – держать деньги в квартире, где периодически бывают обыски, было невыносимо.

Ханна Лёвенштейн предложила:

Давайте отвезем деньги в Потсдам. Вряд ли гестаповцы осмелятся обыскивать обладателя Золотого партийного значка.

Она приехала к сестре с большим узлом и спросила:

– Можно это у тебя оставить?

– Конечно, Ханночка, положи в комнате наверху.

Там и хранились деньги подпольщиков.

Весной 1944 года в квартире Лёвенштейнов целую неделю прятался молодой человек по имени Курт из подпольной группы «Хуг Халуци» («Кружок пионеров»). К счастью, в это время никаких обысков в доме не было. Вскоре Курт нашел укрытие у проститутки вблизи Александерплац.

– У меня столько молодых людей бывает, что одного нового никто и не заметит, – сказала она. Там юноша прожил около двух месяцев.

Во время бомбардировок евреям запрещалось спускаться в подвал, и Лёвенштейны всегда оставались наверху. Как вспоминал Ханс-Оскар, это были, несмотря на смертельную опасность, счастливые часы свободы – ведь нацисты еще больше боятся за свою жизнь и им в такие минуты не до евреев.

Однажды ночью, когда Берлин бомбили особенно сильно, к ним постучали. Стук поднял Лёвенштейнов с постели. Было около четырех часов утра.

– Такого еще не было, – сказал Фриц. – Город в огне, а гестапо затевает новый обыск. Но это были не гестаповцы. У дверей стояла незнакомая молодая женщина, оказавшаяся той самой проституткой с Александерплац.

– Ради Бога, немедленно уходите, – сказала она. – Курт во время налета был схвачен и до полусмерти избит. Он может назвать ваш адрес.

Лёвенштейны не знали этой женщины, а ведь она смертельно рисковала, отправляясь ночью через горящий Берлин в квартиру евреев, чтобы предупредить их об опасности. И сделав это, спасла людям жизнь.

Родители Ханса-Оскара всегда держали наготове узел с самым необходимым – документами и одеждой. И не медля все трое отправились в Потсдам к своей последней надежде – тетушке Ли. Пройдя тридцать километров, грязные и измученные, вошли они во дворец Лихтенау.

– Или ты поможешь нам, или нас отправят в Освенцим, третьего не дано, – все, что могли сказать беглецы.

Тетушка думала не больше секунды:

– Ну разумеется, сейчас мы должны держаться вместе. А там как-нибудь образуется.

Она жила одна в огромном замке – и в это же время миллионы немцев не имели крыши над головой! Кроме нее там находилось еще семь человек – шофер, повариха, служанка, горничные... Почти все они знали Лёвенштейнов, неоднократно видели их. Тетушка собрала всех слуг и объявила им:

– Перед вами немецкие беженцы, их дом в Берлине разбомбило, и они все потеряли. Это мои хорошие знакомые, я должна помочь им. А места у нас хватит всем.

Елизавета представила беженцев под новыми именами. Ханс-Оскар стал Вольфгангом фон Зекендорф-Гудентом (так звали его немецкого кузена). На всякий случай она прибавила:

Держитесь от мальчика подальше, у него открытый туберкулез.

Про отца сказали, что это инвалид Первой мировой.

Никто из слуг не выдал евреев, что сделать было бы проще простого: подойти к телефону и вызвать полицию. Тогда бы и Золотой значок тетушку не спас. Но ни один не оказался предателем.

Ханс-Оскар и сегодня не может точно сказать, что двигало тетушкой тогда – родственные чувства или боязнь за свое будущее, ведь скорый конец столь почитаемого ею фюрера был очевиден. Да это и неважно. Она приняла решение, которое спасло Лёвенштейнов от верной смерти.

У тетушки Ли беглецы жили до тех пор, пока в боковом флигеле замка Лихтенау не разместился полк СС. В доме появились высокие офицерские чины, во дворе – сотни эсэсовских солдат. Остаться здесь дальше было опасно.

Деньги в туалете

Лёвенштейны вернулись в Берлин и три дня прятались у своих друзей. Потом отец и сын вышли, чтобы купить какой-нибудь еды. Но на улице к ним подошли двое вооруженных солдат и довольно вежливо попросили пройти с ними. Их привели в участок, где дежурил пожилой и добродушный полицейский.

На вопрос о документах ничего не оставалось, как признаться:

– Мы нелегально проживающие евреи...

– О Господи, – сказал полицейский. – Тогда присаживайтесь, мне очень жаль, но я должен вызвать гестапо.

Он набрал номер, и Ханс-Оскар отчетливо услышал, как на другом конце провода закричали: «Что? Лёвенштейн? Немедленно задержать! Мы его давно ищем. Выезжаем».

Потом Лёвенштейны узнали, что всех членов сионистской подпольной группы Курта уже арестовали. Не удивительно, что гестапо разыскивало и тех, кто помогал им.

Их положение осложнялось тем, что карманы у них были набиты новыми стомарочными купюрами. Тогда кусок колбасы на черном рынке стоил тысячу марок.

– Господин полицейский, можно мне в туалет? – спросил Ханс-Оскар.

– Да, конечно, – дружелюбно ответил тот. – Туалет в конце коридора.

Юноша бросил в унитаз все деньги из своих карманов, а также фотографию любимой девушки, тоже члена сионистской группы. Вернувшись, он шепнул отцу: «Выбрось в туалет все деньги». Отец сделал все то же самое, что и сын. Вдруг Ханс-Оскар вспомнил, что у него находится ключ от квартиры, где они три дня прятались... В гестапо могут пытаться, и как бы тогда не выдать своих друзей.

– Господин полицейский, разрешите мне еще раз в туалет, – как можно жалобнее попросил юноша.

– Да, видно, здорово ты желудок испортил, – пожалел его полицейский. – Ну иди.

Ханс-Оскар зашел в туалет и потрясенно застыл: унитаз был полон голубыми купюрами по сто марок. Видно, по рассеянности отец забыл спустить воду. Ханс-Оскар поблагодарил Бога за то, что он первый увидел это...

Потом приехали гестаповцы и отвезли отца и сына Лёвенштейнов в лагерь на Шульштрассе.

Только к вечеру Ханна Лёвенштейн узнала, где находятся ее муж и сын. Первым делом она стала искать помощи там, где всегда ее получала, то есть немедленно поехала в Потсдам к сестре. Та надела свой значок и направилась к начальнику сборного лагеря. Женщины хотели даже подать жалобу на гестапо и захватили с собой знакомого адвоката. Но скоро поняли, как наивна была их попытка.

Когда их провели в огромный кабинет и тетушка только собиралась обратиться к начальнику, тот закричал:

– Молчать! Как вы смеете! Если вы сейчас же не покинете кабинет, я прикажу вас арестовать!

Больше тетушка ничего не могла сделать. Ханна, естественно, тоже. Ее задержали тут же в кабинете и увезли в другой лагерь – на Гроссгамбургштрассе. Фриц и Ханс-Оскар узнали об этом только много дней спустя...

Освобождение

Но шел уже 1945 год. Самое худшее осталось позади: война наконец закончилась. Нацисты просто не успели уничтожить Лёвенштейнов, и отец с сыном вышли на свободу. Им ничего не было известно о судьбе Ханны – жива ли она и где находится. Не долго думая они пошли на Кудамм в свою старую квартиру: если Ханна жива, она должна быть там. И не успели открыть дверь, как она бросилась к ним с объятиями. Семья снова была вместе.

Когда высохли слезы радости, Ханна сказала:

– Мы должны выяснить, что с мамой и Елизаветой.

И вновь они пешком отправились в Потсдам. Пока добрались до дворца Лихтенау, все трое были уже без сил – ведь в лагере их почти не кормили.

Потсдам был занят советскими войсками. В замке их встретила мать Ханны, которая только и могла сказать:

– Слава Богу, вы живы. А Ли арестовали.

Фриц Лёвенштейн не откладывая пошел в советскую военную комендатуру. Там он объяснил:

– Вы арестовали одну женщину, фрау Фосберг. Этой женщине мы все обязаны своими жизнями. Если бы не она, мы были бы в Освенциме.

Елизавету Фосберг немедленно освободили и даже отвезли на машине домой. Когда Фриц вернулся в замок, ему навстречу выбежала сияющая от счастья тетушка Ли.

* * *

После окончания войны Ханс-Оскар окончил университет имени Гумбольдта. Его отец Фриц Лёвенштейн активно участвовал в послевоенном возрождении Германии. Он стал заместителем министра по труду и социальным вопросам земли Бранденбург. Власти ГДР требовали, чтобы он вступил в коммунистическую партию. Но он не мог пойти на это. В 1950 году семья Лёвенштейнов эмигрировала в Израиль. Там они прожили более двадцати лет, после чего снова вернулись в Берлин.

Как это ни удивительно, но большинство членов подпольной группы «Хуг Халуци» пережили войну. Когда их спрашивали, каким образом им удалось это, они отвечали: «Повезло». А потом рассказывали, как им помогали простые немцы. Каждый мог назвать по меньшей мере с десяток человек, которые, рискуя жизнью, спасали его от преследования нацистов.

В первые же месяцы после освобождения из застенков гестапо многие подпольщики из «Хуг Халуци» эмигрировали в Палестину. Другие последовали за ними несколько лет спустя. Пятеро живут в Соединенных Штатах, двое остались в Берлине. И вот недавно к ним присоединилось еще трое.

Память переживших Катастрофу хранит еще немало замечательных историй.

Литература

1. Schroeder Nina. Hitlers unbeingsame Gegnerinnen. Der Frauenaufstand in der Rosenstrasse. Muenchen, Wilhelm Heyne Verlag, 1998.
2. Stoltzfus Nathan. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse— 1943. Muenchen-Wien, Carl Hanser Verlag, 1999.

История Вильгельма Бахнера

Оскар Шиндлер и другие

Осенью 1999 года в старинном немецком городе Гильдесхайме недалеко от Ганновера произошло событие, заставившее мир вновь вспомнить о страшных временах Холокоста. На чердаке одного дома был найден чемодан, к ручке которого была прикреплена бирка с именем владельца – Оскар Шиндлер. Это имя носил немецкий предприниматель, спасший во время войны жизни больше тысячи евреев. Свои последние годы он провел в Гильдесхайме, где и скончался 9 октября 1974 года. В старом чемодане находились его личные вещи, фотографии и документы. И среди них – несколько пожелтевших листов с 1200 еврейскими именами и фамилиями, тот самый «список Шиндлера», который дал название знаменитому фильму режиссера Спилберга. В честь Оскара Шиндлера посажено дерево на аллее Праведников в израильском мемориальном центре Яд-Вашеме. Поиск людей, спасавших от неминуемой смерти евреев во время Холокоста, не прекращается до сих пор.

В середине восьмидесятых годов американские историки Самуэль Оливер и Катлин Ли работали над проектом «Альтруистическая личность. Спасение евреев в оккупированной нацистами Европе». В ходе своего исследования Оливер и Ли расспросили сотни людей, переживших Холокост. Среди их собеседников оказались и супруги Вильгельм и Цезия Бахнер из городка Морага, что находится в американском штате Калифорния. Но когда были заполнены первые графы стандартного опросного листа, неожиданно выяснилось, что этот случай не подходит к теме проекта. Вильгельм Бахнер действительно пережил Холокост, но он не был спасен другими людьми. Он сам спас большую группу евреев, работая в течение всей Второй мировой войны на немецком военном предприятии. Его история поучительна, фантастична, и самое удивительное в ней то, что вся она – чистая правда.

Начало

Вильгельм Бахнер родился в еврейском местечке Бельско, которое до Первой мировой войны находилось на территории Австро-Венгерской империи, а затем отошло к Польше. Ассимиляция евреев в австрийскую культуру к началу двадцатого века зашла уже достаточно далеко. Например, немецкий язык давно уже вошел в жизнь Бахнеров наравне с идиш. После школы Вильгельм поступил в Немецкий технический институт в чешском городе Брюнне (Брно). К тому времени, когда он заканчивал институт, Германия уже присоединила к Третьему Рейху Австрию и чешские Судеты. Страшная опасность приближалась ко всем евреям, жившим в Европе, но молодому инженеру-строителю будущее виделось в розовом цвете. Конечно, слухи о наводящем ужас антисемитизме Гитлера широко обсуждались в синагогах. С момента прихода к власти фашистов в 1933 году участились сообщения о преследованиях немецких евреев. Но Бахнер, как и многие другие, надеялся, что фюрер ограничится Германией – угроза войны с Англией и Францией остановит его перед дальнейшим захватом чужих территорий.

С самоуверенностью молодости Вильгельм Бахнер не сомневался в успехе. Он имел хорошее образование, был дисциплинирован, трудолюбив и прилежен. По окончании института получил перспективную работу: знакомый из родного Бельско предложил ему место в варшавском филиале одной строительной фирмы. Варшава была неплохим местом для начала карьеры двадцатисемилетнего специалиста, едва ступившего на трудовой путь. Даже широко известный антисемитизм поляков его не смущал, он верил в себя. Кстати, на улице

его редко принимали за еврея – внешность он имел вполне арийскую: серые глаза, прямой нос. При невысоком росте – всего 165 сантиметров – держался прямо, ходил твердым, уверенным шагом, всегда смотрел собеседнику в глаза. Эту привычку Вильгельм сохранил на всю жизнь и не изменял ей, даже когда разговаривал с гестаповцами.

Полный радужных надежд, летом 1939 года Бахнер приехал в еще мирную Варшаву. В этом городе должна была начаться и его семейная жизнь – здесь он познакомился с замечательной девушкой по имени Цезия. Свадьбу собирались сыграть вскоре после того, как Вильгельм устроится в фирме. Все планы смешала война – первого сентября Германия напала на Польшу. Восьмого сентября 1939 года немецкие танки уже въезжали в ворота Варшавы.

Варшавское гетто

Сразу после захвата Польши немцы стали устанавливать «новый порядок». Последствия поражения почувствовали все поляки, но особенно остро – еврейское население. Зловещие планы Гитлера «освободить Европу от евреев», о чем он писал еще в двадцатые годы в своей книге «Майн кампф», становились все определеннее и реальнее.

Для доведения до всех евреев Варшавы своих приказов и распоряжений немецкие власти образовали так называемый Еврейский совет (Юденрат) во главе с инженером Адамом Черняковым, которого перед самой войной варшавский бургомистр Старцинский назначил на пост председателя еврейской общины города.

Через Юденрат польские евреи в начале октября 1939 года узнали новые подробности «переселенческой политики» фюрера. Большая часть западной Польши входит в состав Третьего Рейха, и это означает, что ей предстоит стать «юденрайн» – «чистой от евреев». Евреи же из Германии, Австрии, чешских Судет, Померании и Силезии должны переселиться в оставшуюся часть Польши, так называемое «генерал-губернаторство». Генерал-губернатором был назначен Ганс Франк, сподвижник Гитлера еще с двадцатых годов, в партийной иерархии поднявшийся до руководителя правового управления НСДАП. С потерей своей западной части, отходившей к Третьему Рейху, восточной части, оккупированной Советским Союзом, и центральной части, ставшей генерал-губернаторством, Польша фактически прекратила существование как независимое государство.

В середине октября стали известны новые постановления немецких властей, еще больше ограничившие права евреев. Все принадлежащие евреям фирмы «ариизируются», т. е. конфискуются. Замораживаются их банковские счета. Хранящиеся в их домах радиоприемники должны быть сданы немецким властям. Еврейские школы закрываются, и посещение синагог ограничивается. Все мужчины-евреи от 14 до 60 лет привлекаются к принудительным работам. Чернякову поручалось провести перепись еврейского населения Варшавы.

Весь октябрь и ноябрь 1939 года в Варшаву и другие крупные города польского генерал-губернаторства стекались тысячи еврейских семей, изгнанных нацистами из разных земель. Еврейские общины должны были сами заботиться о пропитании и устройстве беженцев, хотя деньги в банках у всех евреев были фактически конфискованы, а возможности новых заработков – крайне ограничены. По данным переписи в ноябре 1939 года в Варшаве жило 359 827 евреев. Скуденность населения была такой высокой, что в середине ноября немцы повесили на границах еврейских кварталов таблички: «Внимание! Опасность заразных заболеваний! Вход запрещен!».

Вильгельм Бахнер в своей жизни не раз встречался с препятствиями, вызванными проявлением антисемитизма, и привык, не отчаиваясь, преодолевать трудности. И в этой новой, казалось, безнадежной ситуации он не падал духом, но без усталости искал способы помочь своей семье. А семья к этому времени увеличилась: одиннадцатого октября в очень скром-

ной обстановке все-таки была отпразднована свадьба Вильгельма и Цезии. Раввин пришел к ним домой, церемония в синагоге могла бы привлечь нежелательное внимание нацистов. А вскоре к Вильгельму приехали отец, мать и младший брат Бруно – их родной Бельско тоже должен был стать «юденрайн». Так как место инженера было потеряно, Вилли Бахнер брался за любую работу, благо научился у отца разным ремеслам и не боялся никакого труда. Но с заработком становилось все тяжелее.

Двадцать третьего ноября 1939 года генерал-губернатор Франк издал распоряжение, обязывающее всех евреев и евреек старше девяти лет, проживающих на подведомственной ему территории, носить на правых руках одежды повязки с изображением звезды Давида. Повязка должна была быть белой, шириной не менее десяти сантиметров, а звезда – желтой (за исключением почему-то Варшавы – здесь по непонятным причинам предписывалось носить звезды Давида голубого цвета). Ослушников ждали суровые кары. И тем не менее некоторые отказывались носить унижительные повязки, опасаясь, что они только обострят враждебное отношение немцев и поляков.

Вильгельм Бахнер понимал, что без предписанной повязки не найдет ежедневную работу на «еврейской бирже труда», но не мог избавиться от чувства брезгливости, когда, выходя из дома, вновь натягивал ее на рукав.

Положение варшавских евреев день ото дня становилось все тяжелее. С января 1940 года им было запрещено ездить на поездах и в городском общественном транспорте, пользоваться публичными библиотеками и покупать товары у «арийцев». А в апреле вышло постановление о строительстве стены вокруг еврейских кварталов, превращавшихся, таким образом, в гетто – замкнутое поселение евреев в старых европейских городах.

Само слово «гетто» (литье, отливка) пришло из средневековой Венеции, первого европейского места, где было образовано такое поселение. В 1516 году по указу венецианского сената все евреи, проживавшие на землях «Светлейшей Республики св. Марка», были переселены в специально отведенное место, где находились многочисленные литейные мастерские. Из Венеции это «нововведение» распространилось и в некоторые другие европейские страны, где евреев старались отделить от христиан. Как правило, на ночь ворота гетто запирались и охранялись. По большим христианским праздникам евреям вообще было запрещено покидать отведенные им пределы.

В Европе начала двадцатого века само это понятие стало анахронизмом. В Польше гетто вообще никогда не существовали. И вот в оккупированной Варшаве, казалось, стали сбываться самые страшные сны. А чтобы у евреев не оставалось никаких иллюзий, нацисты поручили Юденрату самим приобрести строительные материалы и своими силами возвести стену. Охрану ворот несли польские полицейские.

Евреи, проживавшие в Варшаве и ее пригородах, должны были оставить свое жилье и переселиться на территорию гетто. Выполнялся этот приказ очень жестко. Немцы силой выбрасывали целые семьи на улицу, не разрешая забрать с собой никакое имущество. К счастью для Бахнеров, их квартира оказалась на территории гетто, недалеко от возведенной стены, и переезжать им не пришлось. Их семья к тому времени еще больше увеличилась – к ним присоединились дядя, тетя и племянник Вильгельма, изгнанные нацистами из дома под Краковом. В ноябре 1940 года вступил в силу новый приказ: покидать гетто евреям разрешалось только в составе специальных рабочих колонн, направляемых на различные работы – чаще всего на уборку улиц и расчистку завалов. Вне гетто евреи должны были постоянно находиться под конвоем польских полицейских и немецких солдат. Холодная зима, голод, изнурительная работа, страшная скученность населения – все это было причиной многочисленных болезней и смертей внутри гетто, а единственная больница была постоянно переполнена и мало кому могла помочь. Количество смертей превышало три тысячи в месяц. Кроме того, немцы безжалостно расстреливали евреев за малейшие нарушения режима – до

шестидесяти человек за ночь. Надежды на улучшение положения таяли даже у оптимистов. Вильгельм чувствовал, что нужно действовать – необходимо какое-то смелое и необычное решение, пассивность неминуемо приведет семью к гибели. Но что можно сделать в такой ситуации? Оставалось только молиться и ждать чуда.

Бюро архитектора Келльнера

В конце декабря 1940 года во время работ по расчистке завалов в городе Бахнер увидел в толпе прохожих свою дальнюю родственницу Анну, с которой не встречался несколько лет. Его поразило, что Анна шла по улице без обязательной для евреев повязки на рукаве. Улучив момент, когда его не видела охрана, Вильгельм стянул со свой руки ненавистную повязку, сунул ее в карман и двинулся в центр города, куда шла и Анна. Их разговор был короток, но Вильгельм услышал, много удивительных и интересных вещей. Женщина рассказала, что она, скрывая свое еврейство, работала няней в польской семье, потом вынуждена была уйти, но буквально вчера нашла место секретарши у одного немецкого архитектора. Этот человек приехал из Дрездена, чтобы по заданию Вермахта восстанавливать разрушенные военные объекты, и в его бюро требовались люди. Анна посоветовала Вильгельму попытаться устроиться туда.

– Ты ведь свободно говоришь по-немецки, внешне похож на поляка или немца, у тебя диплом Немецкого университета! – убеждала она. – Этому архитектору очень нужны помощники, и ты имеешь немало шансов получить там место.

На семейном совете Цезия возражала против этой авантюры: «Слишком опасно!». Но Вильгельм отмел все сомнения – других возможностей выжить он не видел. Стоило рискнуть.

В один из первых дней нового, 1941 года Бахнер вновь ухитрился покинуть рабочую колонну и выбраться в город. Встречу с архитектором Йоханнесом Келльнером устроила Анна. Вильгельм произвел на Келльнера хорошее впечатление.

– Вы немец? – спросил он, изучая институтский диплом Вилли.

Выдавать себя за немца было опасно – пришлось бы отвечать на вопросы о воинской обязанности. Поэтому Бахнер сказал, что он поляк.

Первое задание – составить смету и организовать восстановление разрушенных казарм при варшавском аэродроме – оказалось для молодого человека самым трудным. Впервые с начала войны ему пришлось общаться с немецкими офицерами, выступавшими заказчиками работ. Если узнают, что он еврей, немедленная казнь неизбежна. Но все прошло гладко – и заказчики, и работодатель остались довольны. Архитектор убедился, что его новый сотрудник – грамотный инженер и толковый организатор: он умело руководил нанятой бригадой польских рабочих, а смета содержала вдвое больший объем работ, чем было действительно необходимо. Такой заказ был вдвойне выгоден для исполнителя. Иметь такого помощника в Варшаве было для Келльнера настоящей находкой, тем более, что он сам не собирался все свое время проводить в бюро или на стройках – он любил «красивую жизнь», да и в родном Дрездене его ждали свои дела.

Бахнер предложил для подготовки строительных материалов использовать дешевых рабочих-евреев. Келльнер согласился и получил у властей для него пропуск в гетто. Так для Вильгельма началась двойная жизнь. Каждый день он входил на территорию гетто как представитель немецкой фирмы, а там надевал повязку со звездой Давида и опять превращался в еврея. Польские полицейские, охранявшие гетто снаружи, скоро стали узнавать «пана инженера», и проблем со входом у него не было. Теперь Вильгельм мог помогать своей семье, принося то немного еды, то мыло, то что-нибудь еще. Так продолжалось около двух месяцев.

В феврале Келльнер объявил, что работы в аэропорту подходят к концу, он доволен своим помощником, хотел бы взять его с собой в Германию, но это, к сожалению, невозможно. У Бахнера все оборвалось внутри: только забрезжил выход из безнадежной, казалось, ситуации, и теперь всем надеждам конец. Решение родилось мгновенно: он «подкинул» архитектору идею организовать в Варшаве новую фирму и воспользоваться всеми местными преимуществами – отсутствием серьезной конкуренции, дешевой рабочей силой, близостью к фронту, что обещает постоянную работу. При этом все производственные заботы Вильгельм брал на себя, оставляя Келльнеру лишь контакты с немецкими властями и поиск новых заказов. Предприятие явно должно было приносить немалую прибыль. После короткого раздумья тот согласился. Через несколько дней, по завершении всех необходимых формальностей, была зарегистрирована фирма «Немецкое государственное строительное предприятие – архитектор Йоханнес Келльнер». Бахнер стал ее управляющим. Для новой фирмы Келльнеру удалось получить статус «военного предприятия», что не только давало льготы в приобретении материалов и разрешение на передвижение в зоне военных действий, но и облегчало взаимоотношения с местными властями.

Управляющий немецким предприятием

Первым заказом для предприятия Келльнера стало строительство военного аэродрома вблизи города Белостока, расположенного северо-восточнее Варшавы. Сам Белосток, согласно Пакту Молотова – Риббентропа, отошел к СССР. Гитлер готовился двигаться дальше на восток, и военные нуждались в новых базах поближе к границам с Советским Союзом.

Для выполнения заказа в фирму приняли около пятидесяти квалифицированных рабочих из поляков и украинцев. Все они жили в казарме вблизи строящегося аэродрома. Бахнер часто навещался в Варшаву, где располагалась основная контора. Круг его задач и возможностей сильно расширился. Весной 1941 года Анна уволилась из фирмы, и Вильгельм убедил хозяина принять вместо нее двух новых работников для ведения бухгалтерских и канцелярских дел. Подходящие кандидатуры у него уже были на примете – и оба евреи. Адольф Штамбергер был женат на полячке и жил вне гетто под именем Анджея Станисковского. Его зять, Юлек Швальбе, выдавал себя за Юлиуша Стройновского. Оба были высокими, светловолосыми, по-польски говорили без характерного еврейского акцента, а главное – имели необходимые документы, так что Келльнер быстро согласился с предложением Бахнера. Должность бухгалтера важна была еще и тем, что именно он выписывал рабочие документы всем сотрудникам фирмы. В случае необходимости Бахнер хотел воспользоваться этим для спасения своей семьи.

Работы под Белостоком были закончены в начале июня 1941 года, а уже 22-го числа Гитлер напал на Советский Союз. Немецкие войска быстро продвигались на восток, занимая все новые советские города. Сразу после захвата очередного города требовалось восстанавливать разрушенное. Фирма Келльнера получала крупные заказы на работы по всей Украине. Бердичев, Киев, Ковель, Богуслав, Новоград-Волынский, Днепропетровск, Житомир – такова география ее филиалов в военные годы с 1941-го по 1943-й. В марте 1942 года фирма насчитывала уже свыше 500 сотрудников, занятых восстановлением вокзалов и других железнодорожных объектов. И все это время Бахнер умело руководил производством. Хозяин был доволен своим управляющим.

Вильгельм Бахнер ни на минуту не забывал, что он еврей. Малейшая оплошность могла стоить ему жизни. Вот один эпизод из этого долгого пути «через минное поле».

Однажды утром, придя в варшавскую контору после ночевки в гетто, он застал своего шефа в страшном волнении. Не дав Бахнеру даже снять пальто, Келльнер объяснил, что ему

звонили из гестапо и сообщили, что задержан некий Нечаюк, очень похожий на еврея; не расстреляли же его до сих пор только потому, что тот называет себя работником их фирмы, и теперь руководителя приглашают в СС для объяснений. Обвинение в укрывательстве еврея было смертельно опасно, так что волнение Келльнера понятно. Не имея мужества поехать в гестапо самому, он послал туда своего управляющего. У Бахнера не было иного выхода, кроме как, взяв необходимые документы, выполнить приказ начальства. Ирония ситуации заключалась в том, что Нечаюк на самом деле был украинцем, правда, внешне он очень походил на те изображения евреев, которые часто публиковала нацистская пропаганда. А спасти украинца должен был настоящий еврей!

Офицер гестапо принял Бахнера холодно, всем своим видом показывая, что не верит ни единому его слову и Нечаюка не выпустит. И тогда Вильгельм пошел в наступление. Глядя гестаповцу прямо в глаза, он твердо заявил, что Нечаюк – незаменимый специалист и его отсутствие сорвет сроки окончания работ на важном военном объекте. А работы эти находятся под контролем военного командования. Ответственность за срыв ляжет на гестапо, о чем он немедленно будет докладывать в Берлин. Невероятно, но такая настойчивость имела успех, офицер приказал привести несчастного Нечаюка и чуть живого от страха передал его Бахнеру, который вежливо попрощался и спокойным, уверенным шагом вышел на улицу. Нечаюк не знал, как благодарить спасителя – что ждало его в гестапо, он очень хорошо себе представлял. Только оказавшись на бульваре, Вильгельм почувствовал, как у него дрожат руки и ноги. Присев на скамейку, он хотел достать из кармана пальто платок и нащупал там свою бело-голубую повязку со звездой Давида. Выложить и спрятать ее утром он просто не успел. Достань он случайно эту повязку в гестапо – и фирма Бахнера лишилась бы не только Нечаюка, но и своего управляющего.

Положение евреев на оккупированных немцами территориях становилось все безнадежнее. Нацисты начали приводить в действие секретное предписание Гитлера, оформленное протоколом Ванзейского совещания 20 января 1942 года об «окончательном решении еврейского вопроса». Нацистское руководство решило не ждать, когда евреи сами вымрут в своих гетто от голода и болезней, а депортировать их в специальные лагеря уничтожения, где уже в промышленном режиме работали газовые камеры и крематории. Первая такая камера с ядовитым газом «Циклон Б» была опробована в Освенциме еще в сентябре 1941 года, и результаты весьма удовлетворили фюрера.

Летом 1942 года началась поэтапная депортация евреев из Варшавы в лагеря смерти. Остаться в гетто стало невозможно. Бахнер вместе со своими помощниками Штамбергера и Швальбе, используя знакомства и связи, сумел организовать побег почти всей своей семьи. Не удалось ему спасти лишь мать – она умерла от сердечного приступа во время облавы на улицах гетто. Спасенных в товарном вагоне со стройматериалами переправили в Киев, где как раз в это время вела работы фирма Келльнера. Всех родственников Вильгельм оформил на различные должности в киевский филиал. Цезия стала поварихой Чеславой Добровской, которую все считали польской любовницей «пана управляющего», а отец Хайнрих Бахнер превратился в Годевского – подсобного рабочего на кухне. Кроме них под фальшивыми именами были оформлены на работу и другие евреи. К концу войны их насчитывалось свыше пятидесяти человек.

Конец войны

После освобождения семьи Бахнера из гетто война продолжалась еще долгие два года и десять месяцев. Фирма Келльнера успешно выполняла военные заказы и была преобразована в отдельный строительный эшелон 1001, подчиненный управлению железных дорог Третьего Рейха. Эшелон исколесил многие дороги Украины и Белоруссии, ремонтируя раз-

рушенные пути и вокзалы. Когда дела у немцев на Восточном фронте стали хуже, строительный эшелон вместе с немецкими войсками снова двинулся на запад – в Польшу.

Бахнер не имел права терять бдительность ни на минуту. Опасность могла прийти с любой стороны. Например, его религиозный отец не мог отказаться от обязательной еврейской молитвы в самый строгий еврейский праздник – Судный День (Йом-Кипур), при этом Хайнрих Бахнер сильно рисковал привлечь к себе внимание посторонних. А Цезия однажды решила с двумя подругами посетить киевскую оперу и чуть было не попала на проверку в военную комендатуру. Нельзя было забывать и о том, что польские рабочие, не испытывая больших симпатий к евреям, охотно выдали бы их в руки гестапо. «Поляк еврея за километр чует», – эта поговорка была распространена и среди евреев, и среди поляков.

Рабочие карточки Вильгельма Бахнера и Чеславы Добровской (Цезин)

В середине 1944 года между Бахнером и Келльнером состоялся важный разговор. Уже чувствовался конец войны. Эшелон 1001 должен был въехать на территорию Германии, и хозяин фирмы предложил Бахнеру уволить некоторых поляков, в чьей работе фирма больше не нуждалась. Среди первых был назван помощник по кухне пожилой Годаевский. Бахнер пытался возражать, но на этот раз Келльнер не стал его слушать:

– Я знаю, Бахнер, у вас доброе сердце. Вы даже моей семье в Дрезден регулярно посылаете посылки, о чем я сам забываю. Но сейчас нужно проявить твердость. Годаевского надо рассчитать.

Супруги Бахнер. 1984 г.

Вильгельм понял, что настала решительная минута.

– Годаевский – мой отец», – просто сказал он.

Келльнер был ошарашен.

– «Почему же вы, черт возьми, прячете своего отца под фальшивой фамилией? Или ваша фамилия не Бахнер?».

– Моего отца зовут Хайнрих Бахнер. – Вилли глубоко вздохнул и добавил: – Он еврей.

На лице Келльнера можно было прочесть самые противоречивые чувства: страх, удивление, раздражение, недоверие.

– Да, и я тоже еврей, – продолжал Бахнер. – В первый раз я пришел представляться вам прямо из варшавского гетто. У меня не оставалось выбора. Это был единственный шанс выжить.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем Келльнер снова заговорил:

– Еще один вопрос, Бахнер. Сколько среди моих сотрудников евреев?

– Вы действительно хотите это знать, господин архитектор?».

– Нет, – отрезал тот. – И запомните, Бахнер, я ничем не смогу вам помочь, если ваша тайна откроется. Сам я ничего никому не скажу. Но в случае вашего провала я не пошевелю пальцем.

– Я понимаю, – тихо сказал Бахнер. – А что же делать моему отцу?».

– Пусть остается, – Келльнер как будто поставил точку в разговоре. Больше к этой теме не возвращались до самого конца войны.

Война для Бахнера и всех спасенных им евреев закончилась 10 мая 1945 года, когда в стоявший на запасном пути эшелон 1001 вошли американские солдаты. Американцы были поражены, что люди из немецкого эшелона встречали их слезами радости и молитвами на иврите.

Заключение

После войны Бахнер с Цезией прожили несколько лет в Польше. В 1948 году умер отец Вильгельма. При коммунистах антисемитизм в стране становился все более свирепым. В 1951 году Вильгельм и Цезия эмигрировали в США и поселились в Калифорнии. Польшу покинули почти все спасенные Бахнером евреи. Кто-то оказался в Израиле, кто-то в Бразилии, кто-то в Германии. Все вместе собрались всего один раз – в 1989 году, когда Цезия и Вильгельм справляли золотую свадьбу.

Йоханнес Келльнер после войны жил в Мюнхене. В трудные послевоенные годы Бахнер регулярно посылал ему продукты и деньги.

Цезия умерла в ноябре 1990 года. Вильгельм пережил ее всего на четыре месяца.

Литература

1. Oliner Samuel P., Lee Kathleen M. Wilhelm Bachner. Ein Jude bei der Reichsbahn. Gerlingen 1999.

2. Oliner Samuel P., Pearl M. The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Occupied Europe. New York 1988.

Часть вторая

Банальность добра

Праведники мира в ландшафте Холокоста

*«Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир»
Надпись на медали Праведника мира*

В благодарность от еврейского народа

В 1953 году был открыт иерусалимский мемориал «Яд-Вашем» – центр научных исследований и памятник жертвам Катастрофы европейского еврейства. Как сказано в законе об основании мемориала, он должен предоставить «место и имена» (так «яд вашем» переводится с иврита) всем жертвам Холокоста. Этим же законом определен особый статус тех людей, которые из благородных побуждений и с риском для собственной жизни спасали евреев в годы Второй мировой войны. По давней еврейской традиции таких людей называют «хасидей уммот хаолам», что буквально означает «праведники среди народов мира». В повседневной жизни обычно говорят короче: «праведники народов» или «праведники мира» [1, 2]. Одним из самых запоминающихся мест Яд-Вашема является Сад Праведников – несколько тысяч вечнозеленых деревьев, каждое из которых посажено в честь человека, помогшего хотя бы одному еврею пережить Холокост. Табличка у дерева сообщает имя этого человека.

Израильяне очень серьезно подходят к установлению и подтверждению фактов спасения в годы Катастрофы. Те, кто пережил это страшное время, имеют право представить к рассмотрению имена людей, оказавших им помощь. Специальный комитет под председательством одного из членов Верховного суда Израиля рассматривает каждую кандидатуру и все имеющиеся в распоряжении доказательства, прежде всего – свидетельства очевидцев. Израильские консульства собирают такие свидетельства во многих странах Европы. Звание «Праведник мира» может получить только не еврей, в отношении которого доказано, что в войну он бескорыстно помогал евреям и при этом рисковал жизнью или свободой. Нередко изучение материалов по одному только делу занимает годы. Получивший статус Праведника мира приглашается в Израиль, и ему торжественно вручают медаль, на которой на двух языках – иврите и французском – выбита надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

Памятник жертвам Холокоста в Яд-Вашеме

Сейчас звание «Праведник мира» получило свыше девятнадцати тысяч человек. Главным образом эти люди жили в европейских странах, оккупированных фашистами: более пяти тысяч – в Польше, более четырех – в Голландии, около двух тысяч – во Франции, примерно тысяча девятьсот – на Украине и тысяча триста человек – в Бельгии. Венгрия, Чехословакия и Литва дали миру по полутысяче Праведников и столько же – Россия и Белоруссия вместе взятые. На первое января 2003 года насчитывалось 376 Праведников из Германии, 325 из Италии, 253 из Греции, 267 – из республик бывшей Югославии. В других странах Праведников меньше: в Латвии – 93, в Австрии – 84, в Албании – 61, в Румынии – 48, в Швейцарии – 38, в Норвегии – 20, в Дании – 17, в Болгарии – 16, в Великобритании – 13, в Швеции – 10. Есть Праведники мира и на других континентах – по одному в Японии, Бразилии и США... За 2002 год число этих людей увеличилось на 565 человек.

До сих пор проверяются данные о новых кандидатах. Точное количество спасителей и спасенных, по-видимому, не будет известно никогда. Оценки, которые дают специалисты, колеблются в широких пределах – от 50 до 500 тысяч. Мордехай Палдиэль, начальник специального отдела мемориала Яд-Вашем по делам переживших Холокост, более осторожен: он допускает, что потенциальных Праведников мира может быть от 100 до 250 тысяч. По его мнению, в годы Холокоста они спасли до 250 тысяч евреев [3].

Солнечное сплетение проблем

Спасению евреев посвящена заметная часть современной литературы о Холокосте. Сотни историй о переживших Катастрофу ежегодно публикуются в газетах, журналах, книгах, становятся темами телевизионных передач и документальных фильмов. Эта страшная и славная страница военных лет составляет предмет исследований психологов, социологов, богословов и историков. Важно отметить, что тема эта весьма деликатна и к ней совсем не однозначно относятся разные люди. Не все согласны, что действительно нужно столько внимания уделять и спасенным, и спасителям. Многие считают не вполне уместным концентрироваться на Дobre, размышляя о том времени, когда явно преобладало Зло. Как сказал Мордехай Палдиэль в интервью автору книги [3]: «Можно во имя Добра поставить одну свечку,

но когда свечей слишком много, это уже лишнее». Что такое 250 тысяч спасенных перед шестью миллионами погибших и можно ли сравнивать число Праведников мира с миллионами европейцев, которые могли помочь евреям, но не сделали этого? Защитников было меньше одного процента от взрослого населения Европы. При любом обсуждении темы Праведников нельзя забывать о десятках тысяч жителей разных европейских стран, добровольно и весьма активно помогавших немцам в массовых убийствах евреев. Как нельзя забывать и того, что многие миллионы людей ничего не сделали, чтобы эти убийства остановить.

Есть у этой темы и еще один очень непростой моральный аспект. Почти все исследования о Праведниках мира написаны евреями. Христианские историки, социологи, богословы, как правило, предпочитают подобных вопросов не затрагивать. Ибо любая история о спасении еврея христианином ставит ряд болезненных проблем.

Большинство преступников Холокоста были крещеными христианами, которые венчались и крестили своих детей в христианской церкви. Бывшие узники Освенцима и Дахау вспоминают, как трепетно охранники отмечали Рождество и Пасху. Многие нацисты принадлежали к той или иной христианской общине, были весьма набожны и благочестивы, встречались среди них и священники. Не подлежит сомнению, что идеология нацистов по своей сути является и антихристианской, и антииудаистской. Холокост принципиально отличается от средневековых погромов и крестовых походов. Но современные христиане начинают признавать то, что давно говорилось в еврейской среде: во время Второй мировой войны евреев убивали люди христианской веры и происходило все это в сердце христианской Европы. Холокост был не только еврейской Катастрофой. Он озаменовал собой и самый серьезный кризис христианства за всю его двухтысячелетнюю историю (см., например, [4–6]).

Исследователи выделяют три большие группы населения в годы Второй мировой войны: преступников, жертв и зрителей [7]. Если каждую из этих групп по численности сравнить с Праведниками мира, то эти последние составят лишь незначительное меньшинство. Но без них описание «ландшафта Холокоста» было бы явно неполным. Знать историю спасения евреев в годы Второй мировой войны так же важно, как знать историю их уничтожения. Праведники мира дают возможность всем людям на земле сохранить Веру и Надежду.

Мартин Гильберт [8] рассказал интересную и поучительную историю. Некий польский крестьянин в годы войны прятал у себя Дану Шапиро с матерью. Женщины жили в крошечной темной каморке в коровнике. Однажды в дом крестьянина постучал человек с сыном-подростком на руках. Это был еврей, скрывавшийся в соседнем лесу. Он сказал, что у мальчика гангрена, и просил позвать врача. Но крестьянин пошел в гестапо и сообщил о пришедших. Дана вспоминает, что за донос ему было выдано два килограмма сахара. А еврея с больным ребенком забрали фашисты и расстреляли.

Как можно двух человек спасти и двух же предать верной смерти? Что двигало поступками этого крестьянина? Он знал, что помочь больному ребенку все равно не удастся, и не хотел рисковать из-за умирающего? Или он посчитал, что четыре человека для его маленького убежища слишком много и они все могут погибнуть? Или боялся, что немцы либо соседи обнаружат прячущихся в коровнике евреев, и посчитал за лучшее отвести от себя подозрения? Или считал возможным для себя заботиться о еврейских женщинах, но не хотел помогать мужчинам? Почему в сферу его моральной ответственности попали два посторонних человека, но не нашлось места для четырех?

Праведники мира – это в полном смысле слова «солнечное сплетение» проблем Холокоста. И необходимо разобраться во всем их комплексе, чтобы понять, что означала «моральная ответственность» человека тогда и как ее следует оценивать сегодня.

Факторы военного времени

Отношение к евреям в годы Второй мировой войны определялось множеством обстоятельств, без учета которых трудно понять и правильно оценить поведение людей в экстремальных условиях. В этих заметках мы не можем много места уделить истории европейского антисемитизма, в немалой степени поддерживаемого теорией и практикой христианского богослужения (см., например, [9–11]). Отметим только, что нацизм активно использовал антисемитизм как «наиболее ценную часть своего пропагандистского арсенала» [12]. Антисемитизмом, подогретым нацистской пропагандой, можно во многом объяснить равнодушие и даже злорадство, с которым порой наблюдали страдания евреев их соседи и знакомые. Но были и другие обстоятельства, влиявшие на поведение людей в годы войны и осложнявшие и без того непростое отношение к евреям.

Памятная доска в честь Оскара Шиндлера на Аллее Праведников

Прежде всего следует вспомнить о том, какие разрушения и страдания принесла Вторая мировая война. Многим европейцам довелось пережить и горести предыдущей мировой войны, и разруху Великой экономической депрессии конца двадцатых годов. Но в большинстве воспоминаний эти бедствия кажутся незначительными по сравнению с теми, которые принесла новая война: бомбежки, разрушенные дома и церкви, вражеские солдаты, марширующие по улицам, унижительные поражения и порабощение целых народов. Миллионы европейцев лишились своих близких, потеряли привычную безопасность и стабильность, свободу и независимость, т. е. весьма существенную часть того мира, который они знали и считали своим. Многие города оказались в развалинах. Сотни тысяч людей покинули свои дома, беженцы стали обычным явлением. Война разрушила экономику европейских стран, люди голодали, продукты нужно было доставать на черном рынке, не хватало электричества, топлива, одежды, лекарств. Жестокость немецкой оккупации ощутили на себе не только евреи, но и другие народы, в первую очередь славяне Восточной Европы – поляки, русские, украинцы, белорусы. В этих условиях главной задачей стало спасти себя и свою семью. Зона моральной ответственности отдельного человека сузилась до предела; люди просто старались не вмешиваться, видя, как нацисты преследуют евреев (см., например, [13]). Фашисты очень умело использовали этнические противоречия и конфликты, издавна существовавшие в различных странах Восточной, Центральной и Южной Европы. Во многих регионах эти конфликты тлеют и сейчас. Политика Гитлера «разделяй и властвуй» наглядно проявилась, например, в Польше, где национальные меньшинства – украинцы и так называемые «фольксдойче» – (немцы, проживающие вне Рейха) – получили немалые преимущества перед поляками и стали активными помощниками оккупантов. Эту возможность представи-

тели бывших угнетенных меньшинств употребили на то, чтобы отомстить своим обидчикам полякам, а заодно наказать и их пособников, каковыми считались евреи. Нацистская пропаганда разжигала взаимную ненависть разных национальных групп. Эта тактика ослабляла оппозицию по отношению к фашизму и давала гитлеровцам многочисленных добровольных помощников и соучастников преступлений.

Памятная доска в честь Рауля Валленберга на Аллее Праведников

Чтобы вызвать в людях антисемитские чувства, всегда присутствовавшие в различных социальных группах, использовались все источники: религиозные, политические, экономические, культурные. Охота на евреев становилась легальной, против них разрешалось применять любые действия, даже те, которые в нормальном обществе считаются преступными. Не только помогать евреям, но даже просто выказывать им симпатию и сочувствие было смертельно опасно. В Варшаве 15 октября 1941 года вышел приказ о смертной казни любого, кто поможет еврею. И это были не пустые угрозы. Очень скоро люди поняли, что такая помощь означает риск не только для собственной жизни, но и для жизни близких. Нередко за подобные поступки уничтожались целые деревни [8].

Памятник жертвам Холокоста в Яд-Вашеме

Следует отметить и довольно сильные экономические мотивы. Нацисты официально заявили, что все имущество евреев принадлежит Третьему Рейху. Нееврейское население Германии и оккупированных стран получало в свое распоряжение дома и собственность евреев, занимало их рабочие места. За каждого пойманного или убитого еврея платили деньгами или весьма дефицитными в военное время продуктами. Участвовавшим в этой охоте местным милиционерам и полицейским, а также членам их семей полагались продовольственные пайки и денежное довольствие. В условиях экономической разрухи военного времени очень многие не могли устоять перед таким соблазном [14].

Не последнюю роль здесь играли также и политические противоречия, сильно обострившиеся в годы войны. В 1940-м советские войска оккупировали Литву, Латвию и Эстонию. Бывшие почти двадцать лет независимыми, эти страны стали республиками СССР. Прибалтийские евреи, которых насчитывалось около 250 тысяч, с радостью встретили приход новой власти, казавшейся им меньшим злом по сравнению с немецкой оккупацией. Нееврейское же население этих стран считало советский захват страшной национальной катастрофой. Конфликт интересов усугублялся еще и тем, что многие евреи коммунисты родом из Прибалтики заняли в новых республиках руководящие посты, из-за чего коренные жители считали их предателями и пособниками советских захватчиков. Когда в 1941 году советские войска были вынуждены уйти из Прибалтики, местные националисты еще до прихода немцев организовали кровавые еврейские погромы. Немецким айнзац-группам, занятым систематическим уничтожением евреев в Прибалтике, оказывалась всяческая поддержка и помощь [15]. Нечто похожее происходило и на Украине, где катастрофу коллективизации и голода тридцатых годов пытались объяснять происками «жидовского большевизма».

Казалось бы, вывод из всего сказанного может быть только один: реально помочь евреям в оккупированной немцами Европе было невозможно. Однако жизнь и дела Праведников мира это утверждение решительно опровергают. Нельзя было спасти всех, но можно было спасти многих. Это действительно было дьявольски трудно и требовало огромного риска. Но находилось немало людей, для которых верность своим моральным принципам оказалась важнее, чем даже собственная жизнь.

Систематизировать и описать все способы помощи и спасения нелегко – они очень разнообразны и зависят от обстоятельств. Охота на евреев шла практически по всей Европе – от Арктики до Средиземного моря, от Атлантического океана до Черноморского побережья. Это пространство включает в себя почти две дюжины стран. В рассматриваемой нами теме важно все – и географическое положение страны, и ее история, и политическая структура, традиции и обычаи. Близость моря или нейтральных государств часто имела решающее значение для спасения людей.

Чтобы объективно оценить роль Праведников мира в истории Холокоста, нельзя забывать, что некоторые евреи и сами смогли защитить себя и своих близких [16]. Разные виды еврейского движения и многочисленные партии (сионистские, социалистические и др.), еврейские группы Сопротивления, подпольные организации, партизанские отряды, а также специально созданные комитеты и объединения (например, итальянский *Delasem* – *Delegazione Assistenza Emigranti*) занимались спасением евреев по всей Европе. Многие для помощи своим европейским братьям и сестрам делали еврейские общины в Палестине и США. Часто спасение было результатом деятельности не отдельного человека, а целых «сетей», включающих родственников, друзей, коллег по работе, соседей, знакомых, а порой и совсем посторонних людей, которые считали себя обязанными помочь в беде. Участники Сопротивления – французского, голландского, бельгийского, норвежского, датского – рас-

смаатривали спасение еврейских сограждан как составную часть своей деятельности. Для помощи беженцам были созданы специальные международные комитеты и союзы.

Формы этого движения невозможно рассматривать в отрыве от времени, ведь сама политика нацистов по отношению к евреям существенно менялась с годами – от ущемления гражданских и человеческих прав до тотального уничтожения.

Вопреки социальной изоляции

До 1938 года нацисты своими действиями еще не угрожали жизни немецких евреев. Но они методично и целенаправленно превращали их в нежелательных чужаков в глазах основного населения, все больше усиливая пресс законов и инструкций. Евреи лишались основных атрибутов нормальной и достойной жизни: равенства перед гражданским законом, права на профессиональный труд, участия в культурной жизни общества, чувства защищенности и безопасности. С началом мировой войны подобная политика распространилась на все страны, оказавшиеся под фашистской оккупацией.

На этой стадии помощь евреям состояла в том, чтобы не вычеркнуть их из своей жизни, сохранить дружеские, товарищеские или соседские отношения, не поддаваться на призывы нацистской пропаганды, направленные на их социальную изоляцию. Доброта, верность, совет и утешение были тогда особенно в цене. И в это непростое время оставались еще надежные друзья и просто порядочные люди. Большинство жен-неевреек не поддались требованиям нацистов развестись со своими еврейскими мужьями и, как оказалось, спасли им жизнь [17–19].

Бельгийская еврейка Таня Липски вспоминает, что когда она носила обязательную для всех евреев в Бельгии желтую звезду, многие мужчины на улице снимали перед ней шляпу, а в трамвае с подчеркнутой галантностью уступали ей место [20].

Дело доходило даже до акций протеста, например, в Голландии и других странах люди в знак солидарности надевали повязки с желтыми звездами, против преследования евреев устраивались забастовки, произносились проповеди в церквях [21]. Эти выступления жестоко подавлялись нацистами, и тем не менее подобные знаки симпатии и поддержки помогали сохранить веру в то, что не весь мир сошел с ума, погрязнув в грехе антисемитизма.

«Еврейская звезда» – отличительный знак еврея

В книге воспоминаний Тивадара Сороса [22] рассказывается, как в 1944 году в нацистском Будапеште несколько молодых боксеров не еврейской национальности пришили желтые звезды себе на рубашки, и если при них кто-нибудь оскорблял евреев, они здорово этого человека избивали. В это же время в Будапеште появились желтые звезды на изображениях Христа.

Владелец продовольственного магазина в Берлине немец Роберт Йернайтциг, презрев запреты нацистов, помогал еврейской чете Хелле и Курту Риде. Он сам приносил продукты к ним домой, не беря никакой платы. В 1943 году, когда супругам Риде стала угрожать депортация, Йернайтциг помог им спрятаться в надежном месте [23].

Начиная с 1938 года нацистские власти опубликовали целый ряд распоряжений, вынуждавших евреев-предпринимателей продавать свои предприятия арийцам. Но среди немцев находилось немало порядочных людей, которые, оформив предприятие на свое имя, прибыль продолжали передавать законным владельцам [13]. Немецкие знакомые помогали евреям сохранить ценные вещи, в то время как власти требовали, чтобы практически все имущество еврейских семей было сдано государству [18].

После «Хрустальной ночи» арийские соседи спасали евреев от заключения в лагерь, а если ареста избежать не удавалось, пытались освободить их. С помощью взяток это иногда получалось. Известна история одного шведского пастора в Берлине, который регулярно «покупал» евреев и политзаключенных у высоких чинов СС [21].

Эмиграция – это жизнь

С приходом Гитлера к власти многие евреи поняли, что их жизнь в нацистском государстве становится невозможной. Еврейская эмиграция из Германии началась в 1933 году и продолжалась вплоть до ее официального запрета в 1941-м. Из полумиллионного еврейского населения страну покинула почти половина. Этим людям в большинстве своем удалось спастись. Последние иллюзии относительно жизни евреев в гитлеровской Германии рассеялись только после «Хрустальной ночи», произошедшей в 1938 году. Сами нацисты в период с ноября 1938-го до начала Второй мировой войны 1 сентября 1939-го всячески поощряли отъезд евреев из Германии. Однако проблема состояла в том, что в мире почти не осталось безопасных мест, куда им было бы разрешено въехать. Многие тогда помогали евреям легально или нелегально уезжать из Германии, а позже и из других оккупированных немцами стран. Надо сказать, что эта помощь оказалась самой эффективной: именно эмиграция спасла десятки, если не сотни тысяч еврейских жизней.

Голландка Гертруда Вийсмюллер-Майер участвовала в спасении еврейских детей – на ее счету их несколько тысяч. В 1938 году появилась возможность перевезти детей в Англию, но на это требовалось согласие немецких властей. Гертруда поехала в Вену, говорила с самим Адольфом Эйхманом и получила коллективную выездную визу на 600 человек. В августе 1939-го, всего за пару недель до немецкого вторжения в Польшу, она поехала в Данциг, где организовала пятьдесят кораблей для перевозки детей в Голландию и Бельгию. И в последующие военные годы госпожа Вийсмюллер-Майер помогала детям евреев, находила для них укрытия, снабжала питанием, обеспечивала фальшивыми документами [24].

Шведскому пастору Гоуту Хеденквисту в 1938 году удалось вызволить из Австрии три тысячи евреев [23]). Капитан Фрэнк Фоули, офицер британской миссии в Берлине, руководил выдачей виз в Палестину, находившуюся тогда под английским управлением. Отлично понимая, что положение евреев в Германии становится критическим, он выдавал дополнительные визы несмотря на то, что Англия официально ограничивала въезд евреев в Палестину. Чем трагичней становилось положение евреев в Европе, тем сложнее было получить визу. По словам берлинского еврея Бена Коэна, «...Фоули предпринимал все, что было в

его силах, чтобы отправить в безопасное место как можно больше людей. Он вырвал из лап смерти тысячи евреев» [8].

Подобно Фоули еще несколько дипломатов пытались спасти евреев, выдавая им въездные визы в спокойные страны. Нейтральные государства и участники антигитлеровской коалиции, прежде всего США, отказывались принимать к себе евреев из Европы [25]. И все же для нескольких чиновников спасение человеческих жизней оказалось важнее политики своих правительств. Начальник полиции швейцарского пограничного городка Сент-Галлен Пауль Грюнингер в первые военные месяцы предоставил убежище в Швейцарии сотням евреев, за что был уволен со службы и лишен пенсии [26]. Португальский консул в Бордо Аристедес де Суса Мендес выдал въездные визы в свою страну десяти с лишним тысячам евреев, что противоречило прямым приказам его руководства. Немало евреев нашло спасение в его доме в Бордо. Даже в тот день, когда консула под конвоем отправляли назад в Португалию, он еще выписывал последние визы беженцам. В наказание за свои действия де Суса Мендес потерял работу и был оштрафован. Семья с тринадцатью детьми оказалась в нищете. Звание Праведника мира ему было присвоено уже посмертно в 1966 году.

Неожиданным местом спасения оказался Шанхай, бывший тогда под японским контролем. Город согласился принять семнадцать тысяч немецких евреев. Кроме того, двум тысячам евреев из Польши удалось в 1940 и 1941 годах через Сибирь добраться до Японии. Тысяча из них тоже была направлена в Шанхай. Всего восемнадцать тысяч евреев смогли переждать там ужасы Холокоста [27].

Траектории спасения

После нападения Германии на Польшу возможности легальной эмиграции евреев стали заметно сокращаться. Показательно исследование Генри Хутенбаха, который задокументировал предпринятые в 1938–1941 годах безуспешные попытки евреев города Вормса уехать из Германии. Из 191 еврейской семьи, еще остававшихся в Вормсе в 1941 году, только пять не хотели покидать страну. Остальным просто не удалось эмигрировать [28].

В 1939-м немцы вошли в Польшу, в 1940-м – в Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Францию... Жестокости нацистов были известны – и миллионы людей, как евреев, так и не евреев, оставили свои дома, и по дорогам потянулись нескончаемые потоки беженцев. Особенно тяжелым положение евреев стало после 1940 года, когда немцы начали внедрять практику гетто и насильственных депортаций, а с Востока поползли слухи о массовых убийствах. Евреи были вынуждены находиться в постоянном движении в поисках безопасных мест. Самым лучшим было бы вообще уехать из Европы. Можно попытаться попасть и в какую-нибудь из нейтральных европейских стран, которые по степени безопасности располагались следующим образом: Испания, Португалия, Швеция, Швейцария. Но особенно евреи стремились в Турцию: тоже нейтральная, эта страна граничит с восточной и юго-восточной частями Европы, и те, кто попадал туда, двигались дальше, чтобы нелегально перебраться в соседнюю Палестину. Известен случай, когда греческие партизаны провели через Турцию в Палестину около трех тысяч евреев [29]. Наконец, определенные возможности для спасения представляли страны, хотя и связанные с нацистской Германией, но к евреям сохранившие традиционно невраждебное отношение. К таким «островкам безопасности» до 1943 года относились фашистская Италия и контролируемые ею территории в Югославии, Греции и Франции [30] и до 1944-го – Венгрия.

В гетто

Во Франции десятки тысяч евреев стремились перейти из оккупированной фашистами зоны в неоккупированную, южную со столицей в городе Виши. Переход через демаркационную линию между двумя зонами для евреев был запрещен, поэтому приходилось обращаться к специальным проводникам, которые снабжали беженцев фальшивыми документами, продуктами и другими необходимыми вещами и проводили их через границу. Такая услуга стоила больших денег, причем нередко были случаи, когда проводники просто грабили беззащитных людей и отдавали их в руки нацистов. Но известны и другие примеры, показывающие человеческое бескорыстие и порядочность. Рауль Лапортье, ныне признанный Праведником мира, владел небольшим магазином вблизи демаркационной линии. Он сам изготавливал фальшивые документы и обеспечивал ими беженцев, часто лично сопровождал их при переходе через границу. Лапортье скрывал людей у себя дома и в домах своих друзей, передавал почту из одной зоны в другую, что также было строгой запрещено. Ценные вещи беженцев он сначала прятал, а потом, уже на другой стороне, отдавал владельцам. А контакты с французскими полицейскими он использовал, чтобы предупреждать евреев о готовящихся облавах и депортациях. Денег за эту работу Рауль Лапортье не брал, им руководили совсем иные мотивы. К концу войны он оказался почти нищим [20].

Легендарной фигурой стал пастор Мари-Бенуа, организовавший в марсельском монастыре капуцинов настоящее предприятие по спасению евреев. Вместе с группами французского Сопротивления и официальной организацией UGIF (Union Generale des Israelites en France), представлявшей французских евреев, это предприятие обеспечило тысячи беженцев фальшивыми паспортами и другими «арийскими» документами, чтобы люди могли бежать на юго-запад в Испанию или на северо-восток в Швейцарию. Когда в ноябре 1942 года фашисты окончательно оккупировали Францию и эти пути спасения были закрыты, Мари-Бенуа удалось убедить итальянские власти, чтобы те несмотря на отчаянные протесты министра иностранных дел Германии разрешили евреям остаться в итальянской зоне оккупации. В результате тысячи евреев нашли там свое спасение [30]. После того как сорвался грандиозный проект отправки пятидесяти тысяч французских евреев на кораблях в Северную Африку, Мари-Бенуа был вынужден бежать в Рим. Но свою миссию он не оставил и там: когда осенью 1943 года пал режим Муссолини, а немцы заняли Италию и приступили к депортации евреев на Восток, он под именем отца Бенедетти сыграл ключевую роль в их спасении [31].

Одной из самых знаменитых спасательных операций в годы войны стала эвакуация тысяч датских евреев осенью 1943-го. Морской атташе немецкой дипломатической миссии в

Копенгагене Георг Дуквиц предупредил датские власти о готовящейся депортации, и почти восемь тысяч человек с 29 сентября по 1 октября были переправлены на кораблях и лодках в Швецию, чье правительство согласилось принять беженцев [26]). В этой операции принимали участие сотни простых датчан. Анна Христенсен в течение нескольких месяцев прятала сорок еврейских детей-беженцев, связанных с сионистской группой «Юная Алия», заботилась о них, занималась с ними и в назначенный день привела на побережье, откуда их перевезли в Швецию [32]. В своей знаменитой книге «Эйхман в Иерусалиме» Ханна Арендт назвала эти события «результатом привитого понимания тех предпосылок и обязанностей, которые гарантируют гражданство и независимость» [33].

Поль Борхзениус был одним из тех, кто спасал датских евреев в 1943 году. В своих воспоминаниях он написал: «Поступок датчан был спонтанным, единодушным и пользовался поддержкой всего народа. Мы видели, что среди нас образовалось беззащитное и объявленное вне закона меньшинство, которому суждено было погибнуть, но мы могли его спасти. И разумеется, мы помогли им. Если горит дом соседа, то каждый должен помочь ему побороть пламя. Неспособность нацистов понять, что совершенно нормальные датчане готовы ради евреев рисковать своими жизнями, показывает ту пропасть, которая существует между свободными людьми и узколобыми рабами тоталитарных режимов» [32]. «Банальность добра», продемонстрированная датчанами и итальянцами [30], дает резкий контраст с нацистской «банальностью зла», как назвала это явление Ханна Арендт [33].

К сожалению, даже пламя Освенцима не вызвало в душах большинства европейцев желания помочь соседям. Почему? Одни не считали евреев своими соседями. Другие не хотели верить, что пожар действительно полыхает. Третьи видели пожар, но боялись сгореть сами. А были и такие, кто радовался, глядя на горящие дома и гибнущих в них людей. И только очень немногие рисковали жизнью, чтобы помочь соседям справиться с огнем. Они не могли исключить евреев из зоны своей моральной ответственности. Эти немногие заслужили звания Праведников мира, хотя сами себя они таковыми не считали.

Стать «неевреем»

Перебраться в безопасное место удалось сравнительно небольшому числу европейских евреев. Подавляющее большинство оказалось на территориях, контролируемых нацистами. С 1942 года на полную мощность заработали фабрики смерти – организованные по последнему слову техники лагеря уничтожения в Хелмно, Освенциме, Треблинке и других местах Восточной Европы. Со всего континента потянулись туда эшелоны с людьми – все пути стали для них дорогами смерти. Оставались только две возможности для спасения – скрыть для окружающих, что ты еврей, или надежно спрятаться. Оба этих способа требовали помощи со стороны.

Чтобы окружающие не признали в человеке еврея, нужно было иметь соответствующие документы. «Новый порядок» в нацистской Европе был предельно бюрократическим. Каждый теперь должен был иметь при себе кучу бумаг и прежде всего удостоверение личности, в котором указывался религиозный и расовый статус владельца. Кроме этого были необходимы разрешение на работу, вид на жительство, продовольственные карточки, различные документы для дальних поездок, личная карточка для почты и т. д., вплоть до медицинской женской карты о протекании беременности [23]. Очень важны были церковные свидетельства о крещении и венчании, без чего никто не мог бы получить «арийское» удостоверение личности. В выдаче фальшивых церковных документов состояла главная помощь христианских священников и церковных чиновников. Таких примеров в разных европейских странах было множество. Однако известны и противоположные случаи, когда служители церкви

сотрудничали с нацистами и помогали разоблачать евреев, пытавшихся выдать себя за христиан.

Евреи, пользовавшиеся своими настоящими удостоверениями, в которых с определенного времени обязательно должны были быть вписаны дополнительные имена Израиль для мужчин и Сарра для женщин, быстро убеждались, что их честность неминуемо ведет к гибели. В Европе повсюду расцвел рынок фальшивых документов. Производство этих бумаг стало одним из основных видов деятельности организованных групп спасения [23]. Особенно эффективной была помощь официальных чиновников, например, бельгийских государственных служащих [20]. Тысячи евреев обязаны этим людям своими жизнями.

Когда в Будапеште в 1944 году начались депортации евреев в лагеря смерти, Тивадар Сорос нашел людей, производивших фальшивые документы, и довольно быстро превратил своих родных в «добропорядочных венгерских католиков». Он сообразил, что в этой ситуации семье никак нельзя оставаться вместе. Несмотря на свою горячую привязанность к родным, он убедил их, что гораздо безопаснее жить и скрываться по отдельности. Это решение спасло семью Сороса, сумевшего приспособиться к новым условиям и радикально поменять весь свой уклад. Многие евреи пытались жить так, будто ничего вокруг не изменилось, и это стоило им жизни. Немецкий психоаналитик Бруно Беттльхайм, сам переживший Дахау, писал в статье «Неизвестный урок Анны Франк», что при всей привлекательности личности Анны судьба ее семьи являет собой отрицательный пример поведения в экстремальной ситуации. Главным стремлением этой женщины было сохранить прежние семейные отношения, не случайно ее дневник полон описаний обыденных забот. Между тем, по мнению автора статьи, в условиях, созданных нацистами, невозможно было жить, как раньше, обстоятельства требовали в корне изменить весь жизненный стиль. Беттльхайм пишет, что Отто Франку стоило бы позаботиться о втором выходе из укрытия, нежели об образовании дочерей.

Тивадар Сорос не ограничился спасением жены и сыновей. Он буквально поставил добычу документов на поток, снабдил ими тещу, подругу сына, своих друзей, дальних родственников, знакомых, а потом и просто тех, кто в этом нуждался. При этом он установил для себя твердые правила: богатым людям, независимо от своих отношений с ними, доставать документы «по рыночной цене», с тех, кто победнее, брать только ту сумму, которую надо заплатить изготовителям фальшивок, а очень близким, а также людям, которые находились в отчаянном положении, отдавать спасительные бумаги бесплатно. В поисках нужных ходов Тивадар обращался за помощью ко всем своим знакомым, а иногда и к незнакомым. «Жить значит рисковать», – частенько повторял он. Удивительно, что хотя некоторые отказывали Соросу в помощи, никто не донес на него в полицию. Умение разбираться в людях и доверять им – удивительная черта, перешедшая по наследству к младшему сыну Тивадара, известному финансисту и филантропу Джорджу Соросу.

Тивадар Сорос сохранял сам и помогал своим близким сохранить человеческое достоинство в нечеловеческих обстоятельствах. Он снимал под чужим именем комнату у ненавидевшей евреев хозяйки, каждый день ходил в кафе, плавал с сыновьями в бассейне, а осенью 1944 года, когда начался театральный сезон, купил четыре абонементов в Национальный театр и в Оперу. Эти абонементы он давал юношам, сбежавшим из лагеря, и требовал, чтобы в антракте они угощались пирожными в буфете. Деньгами и документами их обеспечивал, естественно, тоже он. В предисловии к книге своего отца [22] Джордж Сорос написал: «... искусству выживания я научился у человека, владевшего этим искусством безупречно».

Фальшивые документы были необходимым, но никак не достаточным условием для того, чтобы еврей мог пережить Холокост. Чтобы достоверно выглядеть «неевреем», требовались определенные актерские способности. Кроме того, было важно, насколько в каждом конкретном месте сильны культурные, языковые и внешние отличия евреев от людей иных национальностей. На Западе эти отличия были не так заметны, как на Востоке. Поэтому и

шансы выдать себя за не еврея во Франции, Голландии или Германии были выше, чем на Украине или в Польше. Хотя и там известны поразительные случаи спасения: еврей Вильгельм Бахнер не только выжил, выдавая себя за поляка, но и спас более 50 евреев, наняв их под видом поляков и украинцев в немецкое военное строительное предприятие, управляющим которого он работал [16].

Добровольные помощники нацистов, так называемые «информаторы», внимательно присматривались ко всем подозрительным людям. Найти скрытого еврея было заветным желанием таких информаторов: помимо благодарности они получали от немцев и солидную материальную премию. Обмануть их было очень сложно: еврейский акцент, ошибки при молитве, неправильное поведение в церкви – все это выдавало чужака и замаскированного еврея. Некоторые пытались помочь евреям избавиться от акцента, научить их правилам поведения христиан, иногда даже врачи пытались исправить характерные еврейские носы и скрыть обрезание [34]. Однако все эти усилия давали положительный результат только тогда, когда еврей еще задолго до начала войны был близко знаком с христианской культурой.

Лучше всего выдавать себя за неевреев удавалось тем, кто сам верил, что он не еврей. Это прежде всего относится к малолетним еврейским детям, оказавшимся в христианских семьях. То ли их родители, чтобы спасти от верной смерти, передали их знакомым, то ли просто подбросили, надеясь, что подобранный ребенка не даст ему погибнуть. Полячка Леокадия Яромирска нашла еврейскую девочку вблизи своей деревни. Родители оставили ребенка, когда бежали при ликвидации еврейского гетто в Легионове. Леокадия взяла девочку к себе, крестила, сообщив соседям, что это ее дочка. Она рисковала жизнью, так как соседи с трудом верили в эту легенду. Ценой немалых жертв ей удалось вырастить девочку, и обе они дождались окончания войны. Счастливый конец этой истории омрачает, к сожалению, типичный конфликт родительских чувств: также переживший войну отец разыскал свою дочь и увез с собой в Палестину [20].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.